

«Тюремное служение» глазами волонтеров

АНО «Наставнический центр А. Гезалова»
2025

Александр Гезалов, руководитель Наставнического центра

Как я начал это дело

В первый раз в местах лишения свободы я оказался в начале девяностых, когда ситуация в стране была, мягко говоря, непростая. Толчком к тому, чтобы начать заниматься тюремной темой, стало два фактора.

Первый – это мой личный: два моих брата находились в местах лишения свободы, в колониях строгого режима. Только спустя некоторое время я узнал, что исправительные колонии бывают разных типов: строгая – вторая после общего режима. Братья получили опыт пребывания в суровых условиях жизни.

В народе существует «знание», что все исправительные колонии – тюрьмы, а под тюрьмой понимают всё, что есть в системе исполнения наказания. Но, если хорошо подумать, люди начинают разбираться в этой теме только в случаях, когда это их очень интересует, или в семье есть те, кто уже был в местах лишения свободы и во время застолий рассказывает в красках о жизни «там», или пишет учебную работу, или оказался в СИЗО. Довольно часто тюремная тема звучит и в кино (про песни я не говорю, шансон нам в помощь). Там можно увидеть несоответствие того, что есть в реальности, и то, чем и как живут на самом деле исправительные колонии. В каком-то фильме, герой (его играет Александр Абдулов) пришел в камеру с матрасом и яблоком, который тут же почистил ножом, прислонившись к стене. Тем самым, киношники показали «положение» – если он с ножом, значит он имеет на это

право, он – так называемый «положенец». Так формируется миф, что нож – это предмет, который дает некоторые поблажки. В общем, это даже не смешно.

Вторым фактором, который привел меня в места лишения свободы, было общение с бездомными людьми на открытой нами бесплатной столовой для людей без определенного места жительства. В народе они имеют крайне унижительную аббревиатуру – БОМЖи, но это такие же люди, как и мы, только с другими житейскими установками и возможностями. Столовая эта в Карелии работает до сих пор. Общение с бездомными людьми, некоторые из которых прошли исправительные колонии, окончательно укрепило желание помогать людям в местах лишения свободы.

То, что бывшие воспитанники детских домов довольно часто там оказываются, для меня не было открытием. В наш детский дом частенько приезжали бывшие воспитанники и рассказывали значения набитых на пальцах наколок. То есть мир лишения свободы, в который многие попадают из разных социальных слоев, так или иначе всегда рядом с нами. Ну а то, что в советское время это было распространено в других масштабах, история и мифы о лагерной жизни хранят и поныне.

Первым человеком, которого я встретил в СИЗО города Петрозаводска (как ни странно, на улице Герцена), был подполковник внутренней службы **Иван Иосифович Заблоцкий**. Человек с громким голосом, прекрасным чувством юмора, в первый час нашей встречи расспрашивал меня о мотивации помогать заключенным и осужденным людям. Иван Иосифович, чем-то очень напоминающий актера Владимира Басова, был человеком деятельным и задавал конкретные вопросы. Я, тогда молодой человек, только начинал заниматься этой деятельностью, многое было непонятно – как и чем помогать? Крайне важно, что Иван Иосифович проявил мудрость и терпение, он понимал, что только одного желания в теме помощи заключенным и осужденным мало.

По правде сказать, я не имел четкого плана, но мне очень хотелось быть полезным и попытаться что-то изменить, внести что-то новое в эту сферу. Наставничество Ивана Иосифовича и его заместителя по воспитательной работе Константина Малинина сделали свое дело, принесли мне большую пользу. Постепенно я перешел от эмоционального восприятия системы и жизни людей в закрытых пространствах к реальным делам и действиям. Потом появились и руководители, которые помогали помогать, но первый опыт – сотрудничество с Петрозаводским СИЗО №1 – стал важным и очень поучительным.

Именно в СИЗО появилось первое понимание границ того, что можно, что нельзя, чем и как можно помочь не только находящимся в камерах людям, но и системе, которая не всегда имеет ресурсов, чтобы закрыть зияющие дыры. Точно проявлялось то, что необходимо сделать. К примеру, открытие учебного класса в колонии для несовершеннолетних или часовни стало результатом большой работы. Пришлось изучить «систему доступа подследственных подростков к получению образовательных услуг» - пусть и в трудных условиях, но им необходимо было иметь такую возможность. Когда одно из помещений исправительного учреждения стало классом, даже тогдашний губернатор Карелии, редко бывавший в СИЗО, пришел в учебный класс одним из первых в России. Почетно и приятно.

А строительство часовни иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» стало следующим этапом изучения истории СИЗО. Оказывается, когда-то при нем существовал храм.

Смешной случай произошел, когда мы шли смотреть оставшееся от храма помещение – лечебную часть. Мы шли с начальником, и так оказалось, что я первым вошел в помещение. Повернувшись медсестра, увидев меня и начальника, строго спросила: «Вы из какой камеры и какие у вас проблемы?». Дружный смех и немая пауза растопили холод этой ситуации.

Потом пришло понимание, что храм утрачен навсегда, так как он находился на другом уровне, гораздо выше современного второго этажа, и был

снесен в советское время. Было принято решение строить часовенку в память об ушедшем храме. На радость всем, стройка шла быстро и уже через полгода часовня была освящена, и до сих пор принимает тех, кто ищет в ее стенах утешение и... радость. Это всего два добрых дела, которые стали показательным примером точного исполнения социального заказа. Как пишут в официальных документах: «Так была оказана помощь социальным группам (заключенным и осужденным) по поддержанию необходимого уровня жизни, при деятельном участии гражданского общества в партнерстве с пенитенциарной системой».

Было много и других дел, которые можно квалифицировать как персональную помощь тем, кто находился в камерах СИЗО, но эта работа уже велась по линии созданного мною Попечительского совета при УФСИН РФ по республике Карелия. Совет называли «системным ключом к решению разных задач уголовно-исправительной системы (УИС)». И в этом огромную роль сыграли тогдашние сотрудники, а теперь мои большие друзья, полковники внутренней службы УИС **Александр Евгеньевич Дорофеев** и **Александр Александрович Никуленков**, которые и советом, и делом помогали решать острые текущие и внеплановые проблемы.

В памяти – не только реальные дела, но и искренняя благодарность всем, кто помогал развивать служение в местах лишения свободы в Карелии.

Быстро пролетели годы общественной работы в Петрозаводске, и вот уже почти десять лет наша организация помогает женщинам и детям в местах лишения свободы Владимирской области. Это там, где прошло мое детдомовское детство, и моё возвращение стало логичным и понятным – я дома.

Переход в новый регион, по сути, состоялся благодаря тогдашнему Уполномоченному по правам ребенка Владимирской области – **Геннадию Леонардовичу Прохорычеву**, который, зная о моем опыте в Карелии, предложил продолжить работу его в родной Владимирской области. Да и мне, человеку, уже имевшему определенные достижения в этой теме, не хотелось спрятать их в дальний шкаф. И первая же встреча с тогдашним начальником владимирских колоний генералом Виноградовым, расставили все

точки над **i** – «будем работать в рамках

Общественного совета УФСИН РФ по Владимирской области, но уже с учетом имеющегося опыта и ресурсов». И на первом же совещании нового состава совета, я предложил свое личное кураторство над двумя женскими колониями и одним домом ребенка при женской колонии в поселке Головино. Были выбраны формы и форматы участия и определены направления деятельности – женщины и дети, подростки в СИЗО города Кольчугино.

Дом ребенка женской колонии в поселке Головино

Первое время в женские колонии я ездил один, вникая в проблемы Дома ребенка, общаясь с главным врачом **Татьяной Николаевной Шишигиной**, выясняя, чем и как можно помочь. Мы начали с того, что стали помогать адресно, привозя то, чего не хватает в любой системе: памперсы, игрушки, средства личной гигиены, детскую мебель. Организовывали мастер-классы по кулинарному мастерству, финансовой грамотности. И, чем глубже мы заходили в совместную работу, тем больше находили понимание, что нужно сделать для решения различных проблем и введения новшеств.

Так, в Доме ребенка со временем появились раскрашенный забор в мультяшные тона, искусственный газон и новые игровые модули на детской площадке, соляная пещера, логопедический класс, мульт класс, методический класс, сенсорная комната (бизиборды), кухонная утварь и оборудование, газонокосилка, уличный бассейн.

Все это сделало Дом ребенка самым оснащенным в системе УИС России. Качество жизни и мам и детей улучшилось. А что может быть ценнее?

Волонтерские бригады: артисты и специалисты

Параллельно я уточнял, как и чем можно помочь женщинам в исправительных колониях. На поверхности был карельский опыт – возить артистов, чтобы скрасить быт тех, кто находится в закрытом пространстве.

И первыми, кто поехал в женские колонии, стали мои друзья. Московские артисты: заслуженная артистка России **Яна Иванилова**, **Павел Федосов**, **Юлия Тузова**, **Александр Ф. Скляр**, **Александр Галаганов**, **Макс Орех**, **Ольга Логачева** и многие другие. Но с появлением **Юлии Теуниковой** появилась целая система приглашения и отбора артистов. Это очень здорово облегчило мою нагрузку по поиску и доставке артистов в колонии. Юля закрыла собой большой пласт досуговых мероприятий в женские колонии, согласовывая логистику и даты концертов артистов в женских и мужских колониях области.

Чаще всего артисты поют известные для осужденных людей песни, чтобы они могли вместе спеть ту или иную песню, почувствовать причастность к общему делу, быть вовлеченными в концерт. Все концерты имеют не только большое эмоциональное значение, но и отложенный эффект, когда осужденные в отрядах обсуждают приезд артистов и ждут новых встреч.

Через некоторое время, опять же опытным путем, мы поняли то, что осужденные, не имеют доступа к простым ресурсам, которые доступны любому свободному человеку. Я бросил клич: «Ищем тех, кто готов во время концерта, делать женщинам прически, маникюр, брови, массаж». Спустя время, благодаря социальным сетям и личным контактам, в нашей выездной бригаде появились специалисты, помогающие женщинам чувствовать себя женщинами. Это внесло новые краски и в нашу деятельность, и в жизнь тех, кто оступись, но остается гражданином страны и нуждается в милосердном отношении со стороны гражданского общества. И каждый раз женщины покидают концертный зал или кресло, где им сделали прическу, с искренней благодарностью.

Конечно, нельзя сказать, что все делается легко и безупречно, бывает всякое. Кто-то не успел к раннему выезду, а выезжаем мы из Москвы в пять утра. Кто-то заболел и не может поехать в колонию. Но раз в месяц мы, порой небольшим составом, спешим туда, где нас очень ждут, чтобы внести в монотонный ритм жизни осужденных новые краски, заботу и любовь. Внимание и даже счастье.

Хочу поблагодарить всю команду, выезжающую в места лишения свободы, за последовательную человеческую позицию – служение людям. Спасибо за то, что находите внутренние ресурсы для того, чтобы оторваться от свободной жизни, своих семей и бизнеса, чтобы дарить свои добрые сердца тем, кто в этом остро нуждается. Ведь когда мы возвращаемся в гулкую Москву, всегда убеждаемся, что:
«Всё не зря...»

Светлана Золотоног, артистка, волонтер Наставнического центра

Человек попадает в заключение. Для того чтобы он продолжал жить, ему организуют питание, воспитание, труд и прочее. Но для жизни важна и духовная пища – хорошие песни, стихи, любое другое творчество. Артист, который едет в колонию, выполняет именно такую функцию. Своим выступлением наполняет человека важными эмоциями, мыслями, переживаниями.

Программа выступления обязательно должна иметь разные составляющие. Перевес в какую-то одну сторону - плохо. Нельзя только развлекать, исполняя лишь общеизвестные песни. Нельзя петь лишь сложные песни, более рассчитанные на подготовленного зрителя. Важен баланс. И то, и другое имеет очень важное значение.

Владимир и Элина Гочуа (Дуэт «ВИП Элина и Владимир»)

«ВИП (Вокально-Инструментальная Пара) Элина и Владимир» образовалась в феврале 2019 года в составе: Элина Гочуа - вокал, перкуссия, казу, сценическое шоу, и Владимир Гочуа - гитара, бэк-вокал.

«ВИП Элина и Владимир» регулярно выступает в Москве на самых разных сценах с самыми разными программами (среди них выделяются театрализованные перформансы «Татьянин Цирк», «День Двух Дураков», «Цветные концерты», «Образы» и др., а также созданный весной 2021 года совместно с музыкантами «Оркестра “Заводчане”» сайд-проект «Даль Туманная», исполняющий цыганские песни и романсы). Иногда Пара ездит на гастроли в другие города, изредка участвует в фестивалях и конкурсах, завоёвывая там призы и звания, а ещё активно занимается благотворительностью и музыкальным волонтерством.

В 2022 году супруги переехали из Москвы в подмосковный Долгопрудный, где принимают заметное участие в культурной жизни города.

О поездках в колонии мы впервые узнали весной 2023 года от нашего друга и коллеги Макса Ореха. Музыкальным волонтерством мы занимались и раньше, но прежде это были либо концерты в больницах, хосписах и домах престарелых, либо организация благотворительных концертов и фестивалей в пользу приютов для животных. О том, что можно «музволонтерить» в местах

лишения свободы, мы и представить себе не могли. Но Макс связал нас с Юлией Теуниковой, Юлия провела «краткий курс молодого бойца» и добавила в чат Гезалов-центра. А потом в первый день лета 2023 года состоялся наш первый выезд. Это была мужская колония в городе Покрове.

Первые впечатления начались уже на пункте пропуска. Наш совет всем волонтерам на будущее: перед поездкой выложите из карманов всё лишнее! Только самое-самое необходимое! И все «шпаргалки» перепишите на бумагу! Если вы не можете без текстов на экране или аккордов в iReal B - лучше выбрать другой вид волонтерства. Никакие электронные средства проносить нельзя! На наше счастье, и свои песни, и кавера мы сыграем и поём по памяти. А вот лишние предметы в карманах изрядно увеличили время прохода.

А дальше... Поразило то, что все встреченные нами люди были приветливы и доброжелательны. И в целом концерт мало отличался от любого другого концерта. Разве что одни мужчины в зале, одинаково одетые в чёрное. А так – и слушали, и хлопали, и подходили после...

К сожалению, из-за занятости часто мы волонтерить не можем. Следующий наш выезд произошёл почти год спустя, весной 2024 года. За один день мы посетили колонию №3 во Владимире и уже знакомую нам колонию №2 в Покрове. На этот раз решили не петь своих авторских песен, а исполнить программу романсов. Программа прошла на ура в обеих колониях, а отбывающие срок в Покрове цыгане спрашивали, не играл ли Владимир на гитаре в театре «Ромэн». А когда Элина обмолвилась, что мы немного поём на цыганском языке, весь зал чуть ли не хором попросил что-нибудь спеть и по-цыгански. Спели «Джелем-джелем», песню, которая считается цыганским гимном и приветствием. Зал аплодировал. А ещё в том же Покрове нам пришлось прервать концерт на вечернюю поверку. Нас попросили подождать в библиотеке. Там прекрасный набор книг, и классика, и современная русская литература, и иностранная. После этого концерт был продолжен. А потом колония долго не хотела нас отпускать. В прямом смысле. Долго не было сотрудников на КПП.

Третий и пока последний наш выезд был летом в две женские колонии в посёлках Ликино и Головино. Тут уже мы ехали на машине вместе с Александром Гезаловым и двумя Ольгами - специалистами по косметике и маникюру. Программу решили сделать смешанную - и авторские песни, и каверы. Причём первые принимали чуть ли не лучше вторых. А ещё, вспомнив последнее выступление в Покрове, спели несколько песен на цыганском. После концерта в Головино к Элине подошла со словами благодарности пожилая цыганка. Когда Элина спросила, не слишком ли жуткий у неё акцент с точки зрения носительницы языка, та ответила: «Нет, ну что ты! Пой, пой!».

Да, обязательно приедем и споём ещё! Мы, что называется, только в самом начале своего волонтерского пути.

Александр Галаганов, музыкант, волонтер Наставнического центра

Я уже и не помню, кто пригласил меня в Наставнический центр Александра Гезалова. Скорее всего Юлия Теуникова. В «Археологии» после концерта. Было интересно. Задолго до этого мне предлагал выступать в ИТК один издатель, но у него что-то там не сложилось. Поэтому я сразу согласился.

И вот - связался с Александром, договорились о встрече, вернее, что он на машине меня подберёт около дома. Здорово! Если бы не 5.30 утра...Таки вышел. Почти не ждал! Едем. По дороге свернули в Суздаль, в родной детский дом Гезалова. Александр передал Дому бытовую технику. Суздаль – красивый город. Но наш путь – во Владимир, в женские исправительные колонии в Ликино и Головино.

Скучно не было: Александр – отличный спутник и говорун! Много от него узнал интересного. И вот – первая в моей жизни зона.

Как-то я сам чуть не залетел, будучи учителем заступился за девочку, подвергнутую буллингу от «приезжих» учеников. Пронесло.

Кто ездил в колонии, знает: проверка на КПП строгая. Документы, и всё такое. Напрягает. После проходной Александр, сопровождающий офицер и я с

гитарой отправились в клуб. Я озирался: тётки разных возрастов ходят строем. В сапогах и одинаковых платочках, в ватниках.

Зима. Чистенько. Где-то снег сгребают. Смотрят с интересом. Клуб. Местные начальники и начальницы (симпатичные...) напоили чаем. Поговорили. Александр что-то передал для клуба. Провели на сцену. Выступил. Поначалу было неуютно. Публика разная, кому интересно, кому нет. Но расшевелил таки. Песенки у меня свои, ироничные. Вроде бы им понравилось. Хлопали. Подарили полутораметровую матрёшку из папье-маше. Хотел отказаться, да неудобно.

Поехали на вторую точку. Опять проверка, опять территория «зоны», платочки одинаковые, но другого цвета. Опять клуб. Опять чай. В зале – кроме обычных исправляемых в первом ряду – наряженные и нафуфыренные красотки. Оказалось, мы попали на финал местного конкурса красоты. Между их выступлениями что-то им попел. Гезалов, который был в жюри конкурса, тоже спел. И неплохо, кстати. В результате – деревянная сувенирная кружка местного производства (сейчас стоит дома на видном месте) и несколько буханок особого хлеба от пекарни колонии. Вкусный, ещё тёплый. Со времён службы в Советской Армии уважаю такой. И – обратная дорога в Москву по пробкам на въезде. Был для меня в этой поездке интересный опыт выступления.

Были ещё три поездки в мужской колонии в Покрове. Два раза сам, и разок с Натальей Преображенской. Покров мне удобней территориально, и вставать рано не надо, около дома сел в электричку – и до места, а там офицер встречает на автомобиле. Принимали каждый раз хорошо. Обедом кормили. Сказали, что исправляемых так же кормят. Съедобно. Вкусно.

О публике: разная. И молодёжь (воры-наркоманы?), и дядьки в возрасте. Паханы явно выделяются. Окружающие внимательно следят за их реакцией: хлопать артисту или не хлопать? Но принимали хорошо. Высоцкого им попел, свои юмористические. Наталья с лирикой выступала. После концертов из публики подходили, благодарили, спрашивали о творчестве. Просили ещё приезжать.

Один раз после меня местные таланты выступали в формате ВИА, солист был очень хорош, цыган, наверное, молодой. Я им для ансамбля посоветовал перкуссию сделать, кахон, благо там деревянное производство. Не хватало им сочности звука... Прислал им схему. Так после следующего выступления у них они мне самому кахон преподнесли. Еле дотащил. Подарил его знакомому музыкальному театру «СИЛИС». Дома-то он мне зачем?

В общем, выступления в ИК дело нужное и полезное, как для выступающих (не зарекаемся...) так и для зрителей. Наверно поеду ещё. Хорошо б в женские... Только электричкой! Народ писал, что так тоже можно! Не люблю вставать очень рано. Спасибо Александру Гезалову за его подвижничество! И удачи, и творчества всем нам.

Максим Трегубов (Макс Орех, группа «Заводчане»)

Трегубов Максим Аркадьевич (творческий псевдоним Макс Орех). Родился 2 декабря 1976 года в г. Москве. Занимаюсь песенным жанром: пою под гитару и в сопровождении группы «Заводчане», которую основал в 2012-м году. Сочиняю песни. Так же работаю экскурсоводом по Москве. Иногда снимаюсь в кино и сериалах.

Как на Руси говорят: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся!» Человек есть человек, и он всегда может споткнуться, оступиться. Поэтому в местах не столь отдалённых оказываются самые разные люди и они даже больше тех, кто остался на воле, нуждаются в духовной пище и моральной поддержке. Вот почему мы выезжаем в колонии с благотворительными концертами. Раз в месяц своеобразный десант, который собирает Наставнический Центр Александра Гезалова, совершает выезды в несколько исправительных колоний Владимирской области. Почему я принимаю участие в этих выездах, что я чувствую и как они проходят, попробую сейчас здесь рассказать.

Во-первых, каждый артист нуждается в своей аудитории, занимается её поиском и расширением. Поездка в колонию – прекрасная возможность показать своё творчество внимательным и взыскательным слушателям. Перед теми, кто оказался за колючей проволокой, невозможно притворяться. Любое притворство, манерничанье будет разоблачено моментально. Вот почему такие концерты – большая ответственность. Единственное и необходимое условие успешного выступления – полная честность и искренность со стороны артиста.

Во-вторых, я из тех артистов, кто выступает не только с общеизвестными песнями, но и сочиняет свои. А где же ещё мне обкатать и попробовать новые

вещи, как не в таких местах? Да, я пою и устраиваю премьеры своих песен на разных площадках, но именно в колониях особенно остро чувствуешь, что из себя представляет, чего стоит та или иная песня. Люди там живут по строгому распорядку, подчинены строжайшей дисциплине, поэтому слушают они внимательно и в полной тишине. Улюлюкать, хлопать в такт и подпевать, как в клубах, – здесь не особенно принято. Да и после финального аккорда в зале несколько секунд тоже висит тишина, а потом, если всё хорошо, вдруг, бац, и звучат оглушительные аплодисменты. Признаюсь, я таких оваций давно нигде не достаивался.

Что-то в этом есть от старых, советских времён. Удивительное ощущение! В-третьих, существует теория добрых дел. Дела могут быть не слишком великими, но они должны быть конкретными, здесь и сейчас, и твориться от чистого сердца. Чем я могу помочь этому миру и тем, кто терпит в нём бедствие, как корабль в океане? Увы и ах, совсем не многим. Как поёт Костя Дубинин: «Я принимаю сигналы SOS, но никому не могу помочь...» И вот я часто задаю себе вопрос: «Что я могу сделать для тех, кто сейчас в беде, кто оступился?» Получается, в первую очередь, я могу поднять настроение музыкой, песнями, стихами, просто потому что у меня это получается.

Последняя поездка в женскую колонию Головино закончилась тем, что я раздавал автографы на протяжении десяти минут. И поверьте, это не тщеславие (хотя, что греха таить, и я не без греха), но, в данном случае, это стремление поделиться тем, что у тебя есть, что ты можешь дать. С годами стремление отдать другим, мне кажется, появляется у большей части нормальных людей. Хотя, конечно, музыканты – народ ненормальный: сложный, неоднозначный, парадоксальный даже.

Наставнический Центр Александра Гезалова приглашает принять участие в оказании помощи всех неравнодушных. Всех тех, кто не притворяется, кто не на словах, а на деле может чем-то поделиться. Да, условия в плане аппаратуры зачастую спартанские: пара колонок, небольшой пульт, стойка с микрофоном, вот и всё. Но, если тебе есть, чем поделиться, есть, что спеть, разве тебя это остановит? Я видел «присоединившихся», которые заваливали бедного Сашу вопросами, обещали какой-то неслыханный пиар, а затем сливались, так и не сыграв не одного концерта.

Здесь не нужно думать о себе, в каком составе ты приедешь и так далее, здесь нужно просто приезжать и отрабатывать концерты в «полевых условиях».

Как проходят эти мероприятия? Обычно, это весьма ранний подъём, четыре – пять утра. Из Москвы добираться до любой колонии – три часа, это минимум. Мне, как человеку ленивому, творческому и ночному, это вообще всякий раз испытание. Дальше, либо встречаемся в назначенном месте и едем на машине; обычно это происходит при поездке в женские колонии (Ликино и Головино), либо участнику десанта нужно добраться до станции пригородных электропоездов и доехать до нужной платформы, а там уже его будет встречать принимающая сторона. Поездка на электричке по горьковскому направлению мне всегда напоминает о поэме Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки». И,

хотя многое изменилось, поезда стали современными, люди стали чувствовать себя посвободнее, побогаче (хотя встречаются, конечно, всякие пассажиры), что-то неуловимое осталось витать в воздухе каждого пригородного поезда с тех советских времён. Что-то ощущается из того, что было написано, а, может, находилось между строк в этом произведении. И вот, пока едешь на электричке, настроение меняется, с каждым километром, ты всё больше удаляешься от столичной суеты и к моменту приезда становишься просто другим человеком.

На станции артиста встречает на машине сотрудник учреждения в форме. Некоторое количество минут ты едешь вместе с ним, и вот уже машина остановилась у ворот колонии. Дальше происходит процедура оформления пропусков, проход через систему контроля, наконец, зарешённые двери сработали... Территория ИК. Мы движемся в сторону клуба. В клубе, перед концертом можно попить чаю и слегка перекусить, потом настройка звука и начинается концерт. Звук настроить помогает один из заключённых. В зал зашли люди в одинаковых робах, расселись, смотрят на тебя, смотрят пристально и внимательно. Зачем ты здесь, с чем пожаловал, что для них исполнишь? Ну а дальше, как я писал выше, всё зависит только от самого артиста.

Блатные песни петь не разрешают. И зря, по-моему. Я бы с радостью включил в свою программу «Таганку», «Постой, паровоз», «Перебиты, поломаны крылья».

Но вместо шедевров городского романа я исполняю свои авторские песни, принимают их с большим успехом. В числе этих произведений, «Адвокат» и песня про доктора Брюна, то есть, те вещи, в которых поднимается тема неволи и человека, оказавшегося в сложной жизненной ситуации. Женщины аплодировали стоя. Также можно спеть Высоцкого. «Я так тогда просил у старшины: «Не уводите меня из весны!». Я обычно строю концерт следующим образом: пою пару-тройку общеизвестных шлягеров, затем пару-тройку своих. И дальше так же повторяю. При таком построении ты сразу чувствуешь, чего стоит твоя песня по сравнению с теми, общеизвестными. Хорошая проверка.

Когда мы едем на машине, то встречаемся обычно в районе Борисово, недалеко от дома Александра Гезалова, поскольку едем на его машине, и за рулём находится сам Александр. Едем мы, как правило, с целой командой специалистов: тут и врачи, и парикмахеры, и мастера по маникюру, и массажисты. Список может варьироваться. Зачем столько специалистов? А затем, что выезды на машине почти всегда происходят в женские колонии. А прекрасный пол желает оставаться таковым в любых условиях. Вот и помогаем с этим.

И, почти всегда с нами едет бессменный видеограф всех событий Андрей Сорокин. С ним, с Андреем Сорокиным, если честно, у меня отношения не заладились в начале. По виду он такой типичный интеллигент – разночинец из эпохи романа Чернышевского «Что делать?» Мужик, конечно, умный и порядочный, но, видимо, мы не совпадаем темпераментами.

Как-то в дороге я произнёс следующую фразу, это так мой товарищ Юра Рейзер сказал, и мне это нравится: «Люди, которые гордятся тем, что не смотрят телевизор, а получают всю информацию из интернета, похожи на тех,

кто говорит: «Я водку не пью, я сижу на героине!». Фраза эта, бесспорно, провокационная, но, если посмотреть, какой информационной помойкой стал интернет в последние годы, сколько в нём опасностей, и зависимостей самых разных... Знаю, многие с ней согласятся. Я так понял, что идеологически мы здесь тоже с Андреем Сорокиным расходимся.

И вот разразился спор. Андрей начал говорить, что телевизор, точнее информационные передачи, всегда врут, просил перечислить полезные, научно-познавательные передачи, я ему говорю, что интернет, помимо прочего, сплошная реклама, много фейков... Рассудил нас Александр Самедович Гезалов, сказав, что каждый прав по-своему.

Почему я про это здесь рассказал? А я рассказал, демонстрируя тем самым, что люди, участвующие в помощи заключённым, самые разные, и иногда придерживаются диаметрально противоположных взглядов на многие вещи, имеющие место в нашем неидеальном мире. Но это не мешает нам объединять усилия для помощи заключённым.

И вот ещё что. Давайте по-честному зададимся главным вопросом: а как каждый из нас относится к тем, кто оказался в местах не столь отдалённых? Не секрет, и это огромная проблема, что, выходя из мест лишения свободы, бывшие заключённые чувствуют презрение, страх, брезгливость со стороны окружающего мира. И это, увы, является одной из причин рецидивов.

Как я отношусь к заключённым? Я к ним отношусь без презрения. Как сказал Есенин: «Если не был бы я поэтом, то, наверно, был мошенник и вор». В чём смысл этой строки? Да в том, что таким, как мы: людям эмоциональным, увлекающимся, творческим, мечтательным, оступиться ещё проще, чем остальным. Есть тому масса примеров. Увы. И про себя я это отлично знаю и помню. А потому считаю, что плохие люди встречаются везде, и везде встречаются люди хорошие. Хорошие, но оступившиеся. Надо всегда индивидуально подходить к каждому и не стоит мерить всех одним мериллом. Нельзя в один день покаяться, очиститься, свечку поставить и на всю оставшуюся жизнь стать хорошим. Нельзя купить себе индульгенцию. Нельзя эту жизнь прожить без ошибок, не спотыкаясь.

*А вот ещё хорошая фраза про жизнь, которую сказал Курт Кобейн:
«Жизнь поймает всех, никто не умрёт девственником!» Каждую
секунду надо преодолевать, каждый Божий день человек где-то
падает, а где-то поднимается. Нет ничего пошлее
обывательского осуждения тех, кто оступился.*

Александр Гезалов знает, что не каждый сможет поблагодарить и по достоинству оценить его помощь. И не всем эта помощь пойдёт в прок. И всё равно, по-христиански, он продолжает помогать. Как бывший воспитанник детдома, Саша знает, что такое показуха, и знает, как условия замкнутой среды изменяют личность. Поэтому, конечно, заниматься тюремным служением непросто. Помогать очень тяжело. Но это необходимо делать, ибо не оскудеет рука дающего! И нам тоже кто-нибудь да поможет. Так было, так есть, и так будет.

Юрий Грузинов, музыкант, волонтер Наставнического центра

Меня зовут Юрий Грузинов, я автор-исполнитель студии авторской песни «Второе Я». Пишу стихи и пою с семнадцати лет, увлекся гитарой в пионерском лагере, там же в составе рок-группы «Второе Я» дал свой первый концерт. Также читаю стихи моих друзей-музыкантов. В моем репертуаре имеются известные песни 1970-1990-х годов. Военнослужащий запаса, прапорщик ФСО, по военной специальности – сапер, участник разминирования территории Чеченской Республики.

С деятельностью фонда Александра Гезалова я познакомился в 2024 году, читая посты о поездках в колонии наших артистов: Макса Ореха, Владимира и Элины Гочуа. Мне захотелось последовать их примеру и донести до людей, находящихся в «местах не столь отдаленных» частицу своего творчества.

Мой послужной список выездов пока не очень богат, я был только в четырех колониях: двух мужских (в Покрове и во Владимире) и в двух женских (поселки Ликино и Головино Владимирской области), причем, в женских уже два раза. Надеюсь, в силу своих возможностей продолжать помогать людям, по различным причинам оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Я задал себе вопрос: «А нужно ли мне это?». И сразу ответил: «Да, нужно», вспомнив как к нам в войсковую часть, расположенную вдали от

родного дома, тоже приезжали артисты и поддерживали военнотружущих своим творчеством.

В день поездки приходится вставать в четыре часа утра. Казалось бы, сейчас доберешься до машины, сядешь в мягкое кресло и будешь спать без задних ног до тех пор, пока не разбудят и скажут, что приехали. Ан нет! Пока встретишься с командой, делающей общее дело, пока весело пообщаешься с коллегами по «цеху», совместными усилиями прикинете программу выступления, дремота уходит, а километры пролетают незаметно.

И вот ты на территории. Идешь по колонии и чувствуешь, что здесь тоже всю кипит жизнь. Вот только она совсем другая, весьма и весьма отличающаяся от той, что расположена снаружи забора с колючей проволокой. С тобой здороваются, с интересом рассматривают. Александр Гезалов по пути уже успевает перекинуться несколькими словами с осужденными, что-то им поведать, улыбнуться им. И чувствуется, как спадает незримый градус напряжения, а наэлектризованная атмосфера вокруг гостей сменяется радостным предчувствием маленького праздника, которого здесь очень не хватает.

Немного расскажу про обстановку в зале и эмоциях во время концертов. Из этих впечатлений могла бы сложиться целая глава повести или романа.

Первый мой самостоятельный выезд пришелся на колонию города Покрова Владимирской области. На станции нас встретил сопровождающий и довез до учреждения, затем к нам вышел офицер. У меня он осмотрел вены на руках и вдруг спросил, не употреблял ли я запрещенные вещества. Потом последовал личный досмотр, другие вопросы, показавшиеся странноватыми, в том числе и по тематике исполняемой программы. Я в тот момент очень насторожился и лишь на обратной дороге понял из-за чего возник весь сыр-бор. Дело в том, что много лет назад я лишился левого глаза, и у меня установлен стеклянный протез, который при внимательном и пристрастном рассмотрении несколько отличается от живого. На эту разницу и обратил внимание офицер. «Вот где собака зарыта», - подумал я и успокоился.

Итак, несмотря на всякого рода шероховатости, я собрался и вышел на сцену. Прием был уважительным, сотрудник сопровождения поведал собравшимся в актовом зале осужденным о дальней дороге, о том, что у меня есть некоторые проблемы со здоровьем, а также рассказал о моей тяжелой работе на полях чеченской компании. На сцену специально для меня водрузили огромный, выкованный в кузнице пюпитр, и концерт начался. Честно говоря, петь было весьма тяжело: старенькая аппаратура оставляла желать лучшего. Но за те полчаса на сцене я постарался вложить в исполнение стихов и песен все свои силы и эмоции.

Судя по аплодисментам, у меня это получилось, и публика осталась довольна. Особенно публику «зацепила» композиция «Должок» авторства Андрея Курило и несколько песен, написанных Михаилом Грубовым. Несмотря на то, что выступление крепко выжало меня эмоционально и физически, я был готов продолжать и дальше. Но в колонии существует свой особый распорядок дня, и выступление закончилось. На прощание меня напоили чаем и отвезли до станции, где я попал в «окно» между электричками. Зато, за время ожидания я мысленно проанализировал поездку, все увиденное и прочувственное. Дома сил хватило только чтобы умыться. Засыпал с фразой на устах: «Кто молодец? Я молодец!».

В следующую поездку во владимирскую колонию строгого режима, так называемую «трешку», я отправился вместе с нашей исполнительницей Вероникой Захаровой. Мы построили свою программу таким образом: я открыл ее сольным выступлением, потом следовал авторской сет Вероники, далее мы вместе начали петь известные всем советские шлягеры. Зал подпевал, аплодировал, всеми силами нас поддерживал. Осужденный, как мы потом узнали, рецидивист по имени Михаил, сделал нам прекрасный звук, и подпевал. В «трешке» очень понравилась сцена с подиумом, который выходит непосредственно в зал, что сближает артиста и публику. Мы старались вовсю, выложились по полной программе. Потом долго чаевничали, общались с сопровождающим, в результате чего снова попали в перерыв электричек. К счастью, ничего с нами из-за этого не произошло: подремали на вокзале и благополучно сели на поезд. Таким образом мы честно выполнили свою миссию: выступили перед осужденными, еще раз дав понять, что социум от них не отвернулся, их ждут, они не одиноки.

После этих дебютных поездок у меня сложилось впечатление, что тамошняя публика – особенная: они видят гостя с воли насквозь, и ты не можешь допустить даже мысли о том, что на сцене можно сфальшивить или, не дай Бог, схалтурить. При этом ко мне пришло понимание, что помогать людям, отбывающим наказание – очень важно, и я решил, что буду продолжать заниматься этим благим делом.

Я много пишу стихов о любви, пою об этом замечательном чувстве. Интересно, как воспримут произведения о добром и вечном осужденные – представительницы прекрасного пола?

В декабре 2024 года я отправился в женскую колонию в Головино, где впечатлений было еще больше. Александр Гезалов настоял на том, чтобы на новогоднюю программу я надел белый костюм с наградами.

И снова возникли проблемы со звуком, но я не растерялся и начал просто общаться с женщинами, рассказывать о себе, творчестве, службе в армии и так далее. Мне задавали интересные вопросы, просили рассказать что-нибудь смешное. И я поведал как в мою войсковую часть приезжали знаменитые актеры – Армен Джигарханян и Валерией Золотухин (их автографы хранятся в моем военном билете) и о случае, когда во время реконструкции Московского зоопарка, солдаты-первогодки моего взвода утащили из слоновника мешок с хлебом, оставив несчастных животных без обеда. Скажу сразу, что съесть не успели, почти весь хлебный паек был возвращен в вольтер за исключением нескольких погрызенных батончиков. Потом я читал стихи, снова рассказывал истории... Когда наконец настроили звук, времени хватило буквально на несколько песен. Но режим есть режим. В пенитенциарных учреждениях с этим строго...

А во второй колонии с техникой оказалось все нормально. Я пел и читал стихи с большим чувством, очень аккуратно, с нежностью, стараясь заглядывать женщинам в глаза, чтобы те почувствовали обращение лично к каждой. Они ловили мой взгляд, я видел слезы на их щеках, на лицах – немые просьбы и мольбы о чем-то личном. При этом петь было одновременно и трудно, и легко. Я продолжал. В результате появлялись улыбки, а глаза лучились благодарностью. Что они чувствовали в минуты музыки, о чем переживали? Наверное, каждая думала и вспоминала о чем-то глубоко личном. По крайней мере, мне так показалось.

После концерта девушки окружили меня, я подписывал всем желающим свои фотографии с пожеланиями, меня благодарили. Некоторые же просили их просто обнять. Мне передали больше тридцати записок с благодарностью за

приезд и выступление, добрые пожелания в Новом году и просто массу приятных слов. Я эти записки периодически читаю и думаю о подготовке новой программы именно для осужденных женщин.

Потом захлестнули дела, основная работа, в выездах я какое-то время участия не принимал. Тем временем Александра дамы буквально завалили просьбами, чтобы он снова меня привез меня. Представляете, даже записали видеообращение! В Международный женский день 2025 года я повторил свой «вояж». Предлагаю вот такой отчет:

«Весна идет, весне дорогу!»

Юрий Грузинов и его друзья с благотворительной программой посетили женские колонии.

8 марта 2025 года наш друг и постоянный участник программ студии авторской песни «Второе Я» Юрий Грузинов по приглашению руководителя АНО «Наставнический центр Александра Гезалова» вместе с командой специалистов и артистов поздравил осужденных женщин в колониях села Ликино и поселка Головино Владимирской области.

С нами был известный писатель Андрей Сорокин, арфистка Ольга Логачева и девушки-специалистки по красоте. В каждый отряд мы привезли цветы и дали праздничный концерт, который получился действительно классным. Сначала была лекция, рассказ от Андрея Сорокина, потом блок композиций на арфе. Ольга Логачева играла потрясающие кельтские мотивы и современные композиции. «Живая» арфа – это очень круто, потрясающий релакс.

Затем настал мой черед выйти на сцену с собственными лирическими и общеизвестными песнями. Зал удалось расшевелить, женщины танцевали, а подпевали даже сотрудники колоний. С микрофоном в руках я ходил между рядами, а на песне «Кто тебе сказал» одна из осужденных, помогающая на звуке, составила мне дуэт.

Всем выступавшим были вручены подарки сделанные, своими руками. К примеру, мне подарили выложенную стеклянной мозаикой икону св. Николая Чудотворца. После концерта я долго подписывал и раздавал девушкам свои снимки, потом мы фотографировались и пили чай. В общем, праздник удался».

Также приведу слова Андрея Сорокина: «Юрий Грузинов – настоящий герой, прошедший горячие точки. На гражданке он продолжает заниматься любимым делом – сочиняет и поет песни. Стадионов ему не собрать, но он обладает какой-то невероятной тайной силой мгновенно растапливать женские сердца. Я сам это видел. У него так получается, что после первой песни в него все влюбляются, а после второй – немедленно хотят замуж. Волшебная сила искусства...».

Как писал Александр Звягинцев в одном из произведений цикла «Сармат», «природу русской души не знает никто. Природа – это есть природа. Мы же не задаем себе вопрос: почему трава зеленая, а снег белый?.. так устроен мир и единственное, что мы можем, – это сделать его чуть-чуть красивее».

Кроткова Ольга, волонтер Наставнического центра

Родилась в Рязанской области в 1984. Мои родители - Кротков Константин Анатольевич и Надежда Николаевна – простые рабочие, я очень благодарна им за счастливое и беззаботное детство. Благодаря их поддержке в 2004 году я окончила Московский издательско-полиграфический колледж имени первопечатника Ивана Федорова. Много лет проработала в типографиях, на данный момент – мастер маникюра (когда-то я не думала, что это станет моей основной работой, и даже в страшном сне мне такое не могло присниться, но сейчас занимаюсь этим профессионально, и моя работа мне очень нравится). Но, наверное, еще в детстве были предпосылки к тому, что я буду заниматься маникюром – когда мы были маленькие, то любили украшаться – клеили на ногти лепестки какого-то голубого цветочка и любовались.

Мысль о посещении заключенных зрела у меня уже давно. И однажды я узнала о существовании Наставнического центра А.С. Гезалова. Посмотрела фото-, видеоотчеты о поездках, о их деятельности в ВК. Но боялась только, что не справлюсь с нагрузкой. А оказалось, самая большая нагрузка приходится на Александра Самедовича: всех собери, скоординируй, проинструктируй, довези до места назначения. При этом надо поддерживать контакт с сотрудниками колонии, заключенными, артистами, специалистами. Также само проведение концерта. Потом надо проконтролировать, чтобы никто не расстроился и по списку попал к нужному специалисту, в приоритете те, у кого день рождения в текущем месяце. Еще параллельно проводится прием заявлений с

обращениями о помощи. Потом попрощаться в конце мероприятия и доставить всех нас обратно в Москву. С раннего утра человек работает по максимуму и с полной отдачей. Не каждый так сможет. Это не восхваление руководителя, а реальное положение дел.

Когда я поехала в первый раз, то очень переживала, так как совсем незадолго до поездки мне пришлось быть понятой на опознании. Никогда не была в нашей местной тюрьме, вот и согласилась. Там мне стало плохо, потому что мой организм протестовал и испытал сильный стресс, хотя внешне я была спокойна. Вот и боялась такой же реакции в женской колонии.

В тюрьме в тот раз мне очень запомнились стулья, стол, прикрученные к полу и двери-решетки постоянно громяхающие. Вот тогда стало страшно, что ты здесь ненадолго, а как же люди, которые пребывают постоянно в этом неприглядном месте.

Александр Самедович попросил Олю Любимову (мастер маникюра-педикюра) рассказать подробнее, как себя следует вести в колонии, чтобы потом не было никаких недоразумений. После рассказа стало еще страшнее, когда Оля сказала, что женщины могут нагло себя вести, особенно цыганки. Знакомая моя так и не решилась поехать в колонию, потому что поняла, что не готова к такому контингенту.

В той первой моей поездке нас было три Оли. Оля Логачева приехала с арфой, выступать. Мы с Любимовой Олей наводить девочкам красоту: Оля делать маникюр, я – брови, ресницы.

Вначале я сомневалась, стояла и думала: «И зачем им это надо? Может вообще никаким образом им это не нужно, и лишнее». В основном, все они молчали на процедуре. А что – я краску нанесла, и они сидят с закрытыми

глазами, не шелохнутся. Хотя в этом свой релакс. Потом мне одна женщина тихо сказала: «Вы к нам приезжайте, пожалуйста, почаще! Мы вас так ждем, даже не представляете как. Всё моем, убираем по несколько раз. И спасибо вам большое! Хорошим делом занимаетесь!» Вот и ответ пришел на мой мысленный вопрос.

В той первой колонии меня поразило то, что девушки, которые ко мне приходили, – каждая из них была прямо невероятная красавица. Я просто была поражена – одна краше другой. Такие симпатичные! Конечно, все женщины красивые и каждая по-своему. Но у меня было огромное удивление: что они здесь делают? Почему такие обаятельные находятся в подобных местах?

К моему счастью, такого стресса, как в тюрьме, я не испытала, опасения мои не подтвердились. Все прошло хорошо, приняли нас душевно. Очень радуют подарки, которые делают сами заключенные. Мне вот куклу подарили, она как живая.

Архимандрит Мелхиседек (Артюхин) (настоятель подворья Оптиной пустыни в Москве) постоянно говорит в своих проповедях: «Светлые мысли! Светлые мысли! Надо иметь в голове светлые мысли. Прежде, чем подумать (о человеке) плохое, подумай – хорошо!» Вот и правда, просто надо изменить свое отношение к человеку в лучшую сторону.

Это, наверное, цель поездок – чтобы они (осужденные) посмотрели на нас, людей с воли, и поняли, что мы такие же, как они. Да и нет в нас ничего волшебного. Все могут перемениться к лучшему, исправиться. И эта нормальная жизнь доступна каждому. Нам тоже бывает непросто и порой даже тяжело, но нужно выкарабкиваться, а не унывать, стремиться к лучшему, а не топить себя.

Юлия Тузова, певица, волонтер Наставнического центра

Я родилась в Дзержинске Нижегородской области. Родители работали в театре. Потом уехали в другой город и в другой театр, потом еще в другой, и так я прожила во многих местах нашей страны (Златоусте, Саратове, Кургане, Кисловодске).

Начала писать песни в 14 лет. Закончила в Черкесске-Ставрополе режиссерское отделение. В 1998 году поступила в музыкальное училище на народное отделение и окончила его.

У меня четверо детей, семь альбомов и много проектов: с Натальей Скворцовой и Сергеем Проворовым под названием ФолкПоток; ТЮТЮ с Юлей Теуниковой; группа Порт Июля, существует с 2013г. Я частый гость на фестивалях и конкурсах авторской песни в качестве члена жюри.

Страх, стыд, позор – это то, что я испытывала, когда представляла себе, как это - вдруг оказаться заключенной в стенах тюрьмы, колонии. Это такие наши стереотипы, и они, по сути, верные. Человек не должен желать оказываться там. Ну и главный стереотип – «нормальному человеку там не место», «значит заслужил» и т.д. Но все непредсказуемо. Как говорится, не зарекайся ни от суммы, ни от тюрьмы. И не только в наше непростое время. Человек может оступиться, может быть оклеветан и ещё много несуразных вещей.

Всегда был интерес на уровне любопытства - как у них там на самом деле? Так как я иногда езжу с волонтерами в больницы, дома престарелых, детские дома, то выпал случай поехать в женскую колонию, причем сразу в две, находящиеся в часе езды друг от друга во Владимирской области.

Когда подъехали, небо накрыло суровыми тучами, белый забор с колючей проволокой, вышка, выглядит все, как опасная зона, (а это и есть зона), полил дождь, стало жутко и страшно! Тем более по пути выяснилось, что сначала едем в жесткую колонию, где сидят ни по одному разу. Меня в прямом смысле затрясло. Но пока мы проходили квест под названием КПП с кучей дверей и замков, стало немного отпускать. В ту ночь я спала три часа, и программа в голове была не совсем стройная, я никак не могла придумать, какую песню петь первой (это очень важно), сконцентрировалась на этих мыслях и отвлеклась от страха.

Нас повели в местный клуб, он был без отопления, и мы провели там примерно три часа.

Сразу хочется отметить прекрасный прием персонала, работников колонии, которые себя вели более чем сдержанно, но радушно! Имена не запомнила, но лица все очень хорошие, нет никакого – «чё сюда припёрлись» или подозрительных взглядов. Все очень ровно и адекватно. Никакого хамства начальников по отношению к подчиненным и сотрудников к заключенным я не увидела. Ясность и четкость, отсутствие лишних эмоций - да, но все люди и это видно!

Нас накормили вкусными плюшками с чаем, много рассказывали о колонии, и мы пошли по своим местам делать свое дело. В нашей компании были бровист, парикмахер, мастер маникюра, массажист и я, ведущая мастер-класс по пению.

У меня в зале в фойе оказалось человек 30 и три активные поющие девушки. Начала сразу с распевок, потом с совместного пения, потом подключила активных певиц, и мы с ходу по текстам выдали несколько песен, между которыми я поправляла что-то по интонации, голосоведению, фразировке. Получился совместный импровизированный концерт! В конце женщины (очень разного возраста) сами попросили спеть мои песни, и я спела. А финал был - песни военных лет! Где уже все пели и улыбались, а кто-то со слезами на глазах. А на последних аплодисментах вышла пожилая женщина и зачитала только что написанный мне стих-посвящение!

Все остались довольны. И Саша Гезалов, который нас привез (о нем будет отдельный абзац), Дмитрий Алексеевич - полковник, который заботливо нас сопровождал, и осужденные, и я сама. Это очень благодарная аудитория, скажу без стеснения.

Поехали дальше. ИК-1, Головино. Небо расчистилось от туч, засияло солнце, рядом красивый храм, цивилизованное КПП, хороший забор, даже колючая проволока в глаза не бросилась. Пока проверяли документы, пытались тоже напоить чаем, но мы уже были упитые им, потом пошли в клуб. Пока шли по территории не мне одной показалось, что все похоже на санаторий или детский

лагерь. Ухоженные клумбы, газоны, деревья, скульптура слона из зелени, японский садик из камней, за отдельным забором беленький и чистенький детский садик - дом ребенка с новой детской площадкой (Гезалов постарался) и стеной из граффити с мультяшными героями (тоже Гезалов). В клубе выставка военных фотографий, все очень культурно и красиво. Зал большой.

Девушки, осужденные, здесь сидят первые сроки (надеюсь, последние) и эта колония считается в наших внутренних разговорах - лайт. Женщины одеты в зелёные костюмы и белые косынки. Много молодых и даже совсем юных на вид. Работают с 7 до 14 часов в швейных цехах потом распределяются на общественные задания или учебу. Начальницы отрядов, которые сопровождали нас - тоже юные, лет 25 от силы, худенькие, симпатичные, очень культурные и воспитанные. Тоже ни разу не услышали ни повышенного тона, ни хамства! Вот где когнитивный диссонанс!

Мне привели в зал человек 60-70 (мой звездный час) и первые 4 ряда были поющие молодые девчонки, типа местный хор. И тут мы оторвались! В этом клубе были уже микрофоны. Я вычислила, кто у них солистка и понеслось! Что мы только не пели! Контакт сложился великолепный. В конце устроила им инсценировку под песню, и все от души аплодировали своим же артистам. Вот на таком позитиве и драйве я провела тот день!

После всего нас ждали угощения и всем подарили подарки, сделанные своими руками. Мне подарили шикарную вышитую подушечку! А ещё по буханке «зоновского» хлеба.

Были смешные моменты. На распевках я просила всех встать, а потом сесть. Смешок по залу... (ну, типа, мы и так тут сидим), и ещё - в конце со сцены

говорила прощальные слова благодарности и само собой вылетело - как у вас тут хорошо! И поймала себя на мысли - а ведь и впрямь не так уж и страшно, позорно и т.д.

Конечно, будни у них там другие. Но общее впечатление - очень позитивное. Везде люди, желающие жить, радоваться, творить. До слез. Не могу.

Спасибо отцу нашему, руководителю поездки Александру Гезалову, которому не сидится спокойно на месте, и он устраивает такие инициативы. Сколько документов, бумаг надо собрать, чтобы все случилось, денег на бензин (все пало на его плечи), сколько времени и сил это требует! Но это его любимое дело – создавать радость там, где она особенно нужна! Занимается он этим давно и сколько имеет регалий не сосчитать! Творить добро - обыкновенные чудеса.

С Гезаловым мы дружим давно, ещё с тех пор, когда не были многодетными! Всегда ему поражалась! Его обаятельной энергии, его способности подзадорить, шутить, веселить, приободрять, помогать! Это составляющие его личности! У Саши есть такой центр, который занимается помощью сиротам, осужденным, многодетным, людям в тяжелой жизненной ситуации.

И вот, второй раз по предложению Саши ездила в колонию. Первая поездка была в женскую, а сейчас случилось попасть в мужскую! Встретили с большим расположением и уважением! Подарили подарки и грамоту! Показали местного певца, настоящий талант!

Параллельно целая компания специалистов (бровист, массажист, парикмахер, психолог, певица) ездила в две женские колонии.

И вот что скажу. Не знаю, что чувствовали сидящие в зале, а я точно вернулась как будто после терапии, направленной против эмоционального выгорания! Вот хожу и думаю - что петь в следующий раз? А что бы вы спели этим разным людям, чтобы у них колыхнулось внутри, затеплилось, какие песни?

Для чего и почему мы слушаем песни? Что они нам дают? Эти музыкальные произведения в лаконичной сжатой форме со словами? Ответ часто забывается, замыливается, когда вокруг много всего бездарного и среднего. Порой даже не понимаешь, для чего все это... Это такое выгорание, когда не видишь смысла ни слушать, ни петь. Но иногда приходит ответ от Вселенной, и ты сразу все понимаешь! Со мной случилось это сегодня! В мужской колонии в Покрове. После моего выступления на сцене оказался парень, который спел так, что пробил во мне эмоции! Это какое-то воздействие на подсознание! Конечно, ситуация определенная, атмосфера особенная, все как-то обострено. Ещё и жизнь у меня непростая и все навалилось в последнее время... Голос у него поставленный, профессиональный. Но мне всегда этого мало. Были какие-то сумасшедшие вибрации и чувства в нем! И он умел ими управлять. И заодно управлял моими. Сила, дар, искусство!

Как будто мир перевернулся. Я стала чуточку лучше.

Любимова Ольга, волонтер Наставнического центра

Любимова Ольга - мастер маникюра-педикюра, подолог, стаж в профессии 12 лет. Родилась в 1983 году в Москве, живу в ближнем Подмоскowie, окончила 11 классов в 2000 году, училась в Московском Государственном Университете имени Черномырдина, по специальности Менеджер организации, 15 лет работала в Московском физико-техническом институте инженером, попутно училась на мастера маникюра и подолога, постепенно ушла в эту профессию. Есть семья, два сына.

Попала я в тюрьму совершенно случайно. Однажды я в одной из соцсетей увидела пост про поездки волонтеров в колонии к осужденным женщинам. Не знаю, почему меня заинтересовала эта тема и я стала читать. А в конце поста был указан телефон Александра Гезалова, что-то меня заставило ему написать и предложить свои услуги и помощь. Оказалось, что поехать волонтером в места «не столь отдаленные» вполне реально. Нужно было продумать какие услуги предложить «дамам», что будет востребовано, а что действительно необходимо. Достаточно быстро была организована поездка, в первый раз очень пугала неизвестность. По дороге нам новичкам рассказали, как себя вести что можно спросить, а что - нет, дали краткий инструктаж по прохождению досмотра.

Время в дороге пролетело незаметно, заезжаем в небольшой симпатичный поселок и вот перед нами, достаточно неожиданно, появляются вышки и заборы с колючей проволокой. Дальше мы проходим досмотр, у меня

пересчитывают весь арсенал инструментов и оборудования, проверяют все жидкости и препараты, дают «добро» на проход в зону.

В самой зоне немного шокирует звон сигнализаций, наличие вооруженных сотрудников и осужденные женщины в одинаковой зеленой одежде. Осужденные сначала смотрят на нас с опаской не понимая, что это за люди с воли, потом видят с нами Александра и подходят здороваться.

Заходим в здание клуба, где нам предстоит работать, там царит ужасный холод, всегда, даже летом. Женщины с интересом разглядывают нас. Мастерам выделяют помещение, и мы готовимся работать. Я раскладываю инструмент, считаю сколько смогу принять человек. Дальше начинаем работать, с такой скоростью как в тюрьме я никогда не делала маникюр, хочется объять необъятное, женщин много, все хотят глоток красоты и такой вожаденной свободы.

Через два часа сотрудники просят нас заканчивать, в первую поездку я не смогла посчитать сколько я сделала маникюров, сколько залатала простроченных пальцев. Сколько покрыла лаком рук. Их много, они очень хотят к тебе на услугу, но всех принять нет никакой возможности. Они благодарят, их глаза сияют счастьем, вроде это так мало маникюр, лак на ногтях, крем на коже, - но для них это свобода, свобода чувствовать себя женщинами, а не частью безликой презираемой зеленой массы.

В первый раз после работы в колонии все мастера очень устали, но нам дали такое огромное количество энергии и благодарности за наш труд, что это того стоило. Потом были еще поездки, волонтеры, которые ездят регулярно знакомятся с осужденными ближе, уже появляются постоянные «клиенты», более доверительное отношение, нас ждут, нам очень рады, и какое это счастье узнать, что кто-то из знакомых вышел по УДО, кому-то заменили форму наказания на более легкий режим.

Те, кто остаются рассказывают нам новости колонии, какие мероприятия проходят, спрашивают какие новости на воле, как живут люди, какие цены в магазинах, что модно, какие фильмы выходят, что носят - женщины они всегда женщины. И постепенно грань между осужденными и вольными стирается, они такие же девушки и женщины, как и мы, но что в их жизни случилось, - как получилось, что они тут, а мы там. Наши поездки дают им надежду на будущее, на нормальную жизнь.

Ольга Логачёва, музыкант, волонтер Наставнического центра

Лауреат и дипломант российских и международных конкурсов, постоянная участница российских и зарубежных фестивалей.

В 2000 году окончила ДМШ им. С.С.Рахманинова (класс доцента Л.В.Подгорной), в 2004-м – колледж МГИМ им. А.Г.Шнитке (класс доцента Л.В.Подгорной), а в 2009-м – ГМПИ им. Ипполитова-Иванова (класс доцента Л.В.Подгорной). С 2011 по н.в – участница проекта Moscow Harp Orchestra, с 2014 по н.в. – артистка Центрального концертного образцового оркестра им. Н.А.Римского-Корсакова ВМФ РФ, с 2015-го по н.в. - преподаватель класса классической и кельтской арфы в Международной школе музыки для детей и взрослых «Лауреат». С 2016 г. принимает участие в спектакле «История одного чуда» «Творческого объединения 9». С 2017 по 2020 сотрудничала с Камерным оркестром KREMLIN. С 2021 года работает в театре Терезы Дуровой.

Не сдаваться. Делать, что можешь.

Вернулась из поездки в женские колонии Владимирской области с командой Александра Гезалова.

Потратила: сутки почти без сна.

Подарила: немного музыки.

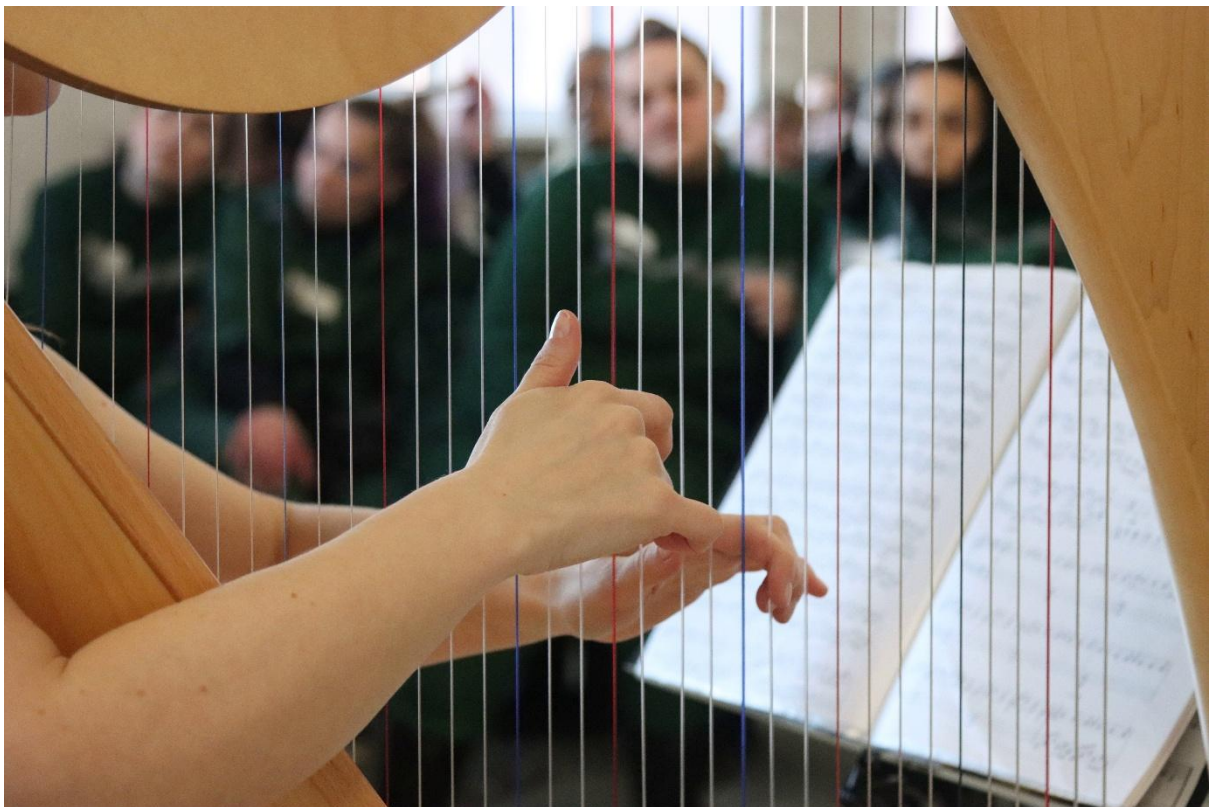
Привезла домой: плюшки и хлеб, выпеченные осуждёнными руками, картину, написанную осуждённой девушкой, полную душу взглядов, улыбок, слов...

Я играла на арфе, девушки подпевали на японском на саундтреке к «Сэйлор Мун». Тем временем Оля делала маникюр, а Инна - стрижки.

Уже знакомые женщины Галя и Люба уходят в новую жизнь. Надеюсь, в МЛС они уже не вернуться, и всё у них будет хорошо. Верю в них. Ольга, которая окончила когда-то Гнесинку по классу арфы, сыграла пару пьес. В этот раз уже не в уголке, а смело перед всеми.

Жизнь не должна заканчиваться. Везде - люди. И всё не зря.

В паре темноватых углов стало светлее на несколько часов.

...Расскажите кто-нибудь этой женщине, пожалуйста, что за хлебом можно ходить в магазин у дома (нет!), а не ездить ночью за 250 км в тюрьму (да!).

Шутки шутками, а тем не менее мы с арфулей снова наведались в женские колонии Владимирской области с командой АНО «Наставнический Центр Александра Гезалова».

Уже знакомые лица, узнаём друг друга, здороваемся. Много новых женщин. К сожалению. А кого-то уже в хорошем смысле там больше нет! Радуюсь! Надеюсь, они воспользуются своим шансом жить...

Меня спрашивают, зачем я езжу играть в тюрьмы, что я от этого получаю? Думала... не смогла ответить. Время трачу, бензин, не сплю, от оплачиваемой работы отказываюсь... вот, казалось бы, зачем? Потому что вопрос не «зачем» и не «что получишь». Вопрос - почему? А потому что могу.

Могу кое-что дать, не многое, но что-то. Вроде как лучше, чем ничего. И даже в тюрьме есть те, кто с радостью и благодарностью берёт то, что я даю, те, кому это нужно. Полно народу, откровенно говоря!

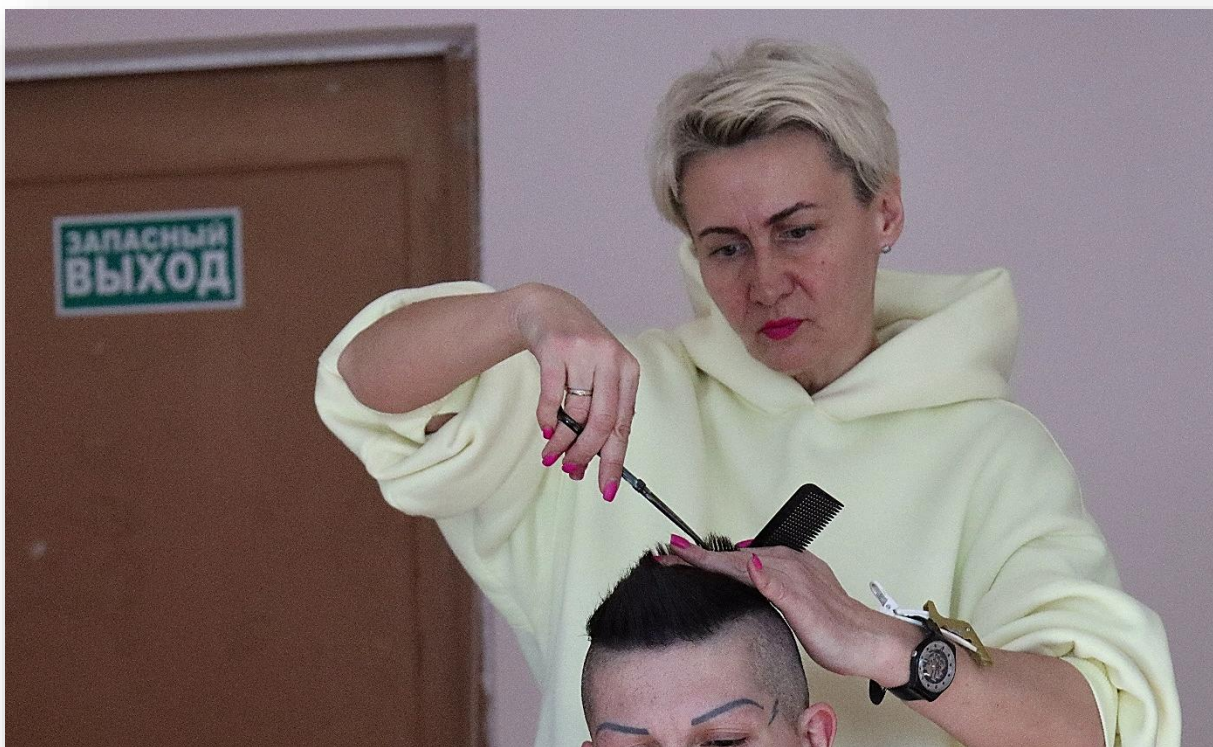
Каждый может оступиться, совершить ошибку. И кто-то оказывается там, где не следовало бы. Кажется, что нет, это не про нас, это не с нами. Но кто без греха - пусть первый бросит камень, как говорится. Везде люди, так пусть везде будет жизнь.

Наталья Нетунаева, волонтер Наставнического центра

Родилась в Алма-Ате. Папа был военный, сразу после рождения уехали на Камчатку. Далее - разные города России. От Сибири до юга.

Стилист с большим стажем работы. Международная школа Pivot Point, разные конкурсы красоты, 6 лет интересного проекта на Первом канале «Модный приговор». Статьи в модных журналах.

Замужем, 2 детей, двое внуков. Люблю Бога и свою семью. Свою работу и, конечно, море.

Меня зовут Наталья Нетунаева. Мне часто задают вопрос: «Зачем это тебе? Для чего ты это делаешь?», да и сама я пару раз задавала себе этот вопрос. И всегда ответ: Бог вкладывает желание в сердце! Видимо потому, что любит людей! Дает возможность видеть их нужды!

Началось всё много лет назад. В моем подъезде начал ночевать человек (бомж). Все что я могла – это отдать ему одеяло и кормить его! Оказалось, он никому не нужен, для меня это тогда очень страшно звучало - НИКОМУ НЕ НУЖЕН! Я помню эти чувства сострадания к нему до сих пор! Его боль и моя некомпетентность в этих вопросах - мне было чуть за двадцать! Я толком не понимала, чем я могу помочь? Несколько недель он жил у меня на этаже. Благо последний этаж и соседи добрые. А потом пропал, и что с ним стало неизвестно.

Лет через десять я начала ездить в детские дома волонтером. Стригла ребятшек каждый месяц. Эмоции зашкаливали. Пострижешь человек 30, устанешь, приедешь домой, наревешься от осознания, что ты ничего больше им дать не можешь, а тебе их жалко. Успокоишься и через месяц опять по новой. Дальше - больше. Начала волонтерить с НКО, кормить бомжей, начали приходить на точку подростки, беспризорники, так сказать. Занялась профилактикой социального сиротства. Помню любила их как своих. До сих пор с ними есть связь. Вспоминаем, как отучались ругаться матом, как креативно их стригла, кушали вместе и смеялись. Замечательное время. На этом фоне попала на семинар к Александру Гезалову, он учил нас правильной помощи детским домам. И мир тогда, помню, перевернулся в моих глазах, увидела, как лучше и эффективней помогать ребятам.

Жизнь шла своим чередом. Где могла всегда стригла, волонтерила своими руками, держа ножницы. Ребцентры, больницы, дома престарелых, многодетные семьи, особенные детки и их мамы и еще кучу разных странных мест. И, о чудо! - наткнулась на заметку в соцсетях, где Александр Гезалов рассказал о проекте помощи осужденным в колониях. Я думала, мое сердце выпрыгнет само из груди. Так сильно меня это коснулось и откликнулось. И я тут же позвонила. Помню, как я волновалась, а вдруг не возьмут, откажут...

Официально представилась на всякий случай. Обычно я скромная! Я Наталья Нетунаева, стилист программы «Модный приговор», Первый канал, также могу обучать девушек ремеслу. Возьмите меня, пожалуйста, в вашу команду для поездок в женские колонии! Выпалила и притихла... жду! А в ответ - одна фраза: «Отлично! Вы в команде!!!»

Ох, как я ликовала и радовалась, положив трубку! И я начала ждать моей первой поездки в колонию. Звучит даже смешно. Жду, когда поеду в колонию, так сильно, так сильно, что аж терпения не хватает.

Настал этот долгожданный день, команда супер, все очень открытые и доброжелательные, все знают зачем они здесь, есть задачи, и они решаемы. Эмоции переполняют, хочется бежать впереди автомобиля! И вот! Забор, колючая проволока, проходная, оформление пропусков, личный досмотр, под сопровождением идем в актовЫй зал. Странные эмоции, нет вообще волнения, страха, только ожидание чего-то очень хорошего! Все нам рады, здороваются, искренне улыбаются. У нас целый десант красоты. Бровист, маникюрист, подолог, массажист, стилист. И конечно везем артиста. Куда же без песни? Песня строить и жить помогает... Девчонки ждут, и неважно, что они сейчас отбывают свой срок. Девочки - они везде девочки. Всегда хочется красоты, доброты и понимания!

Работа закипела. В каждом углу специалисты делают свое дело.

Я стрижу и радуюсь, что я могу показать этим запутавшимся дамам, что они могут быть красивыми, где угодно и должны всегда помнить о том, что они женщины в первую очередь и что их любит Бог! Иначе нас бы там не было! Пытаюсь зачем-то посчитать сколько человек уже подстригла. 10,11, не 12 точно... Учю девчонок по ходу дела стричь челки.

Кто-то из очереди спрашивает, а сколько мне платят за то, что я сюда приехала. Смеюсь в ответ и отвечаю: «Дорогая моя, это я сама заплатила только для того, чтобы сюда приехать и сделать тебе красивую стрижку». Атмосфера в очереди сразу меняется, смеются, уходит настороженность, чувствуется, как лед тает. И вот они стоят простые, с открытыми глазами девчонки, все хотят сегодня уйти в барак красивыми.

Зачем я езжу в колонии?

Думаю, затем, чтобы у этих дам всегда была связь с миром, который сейчас для них вне доступа. Затем, чтобы они знали, что они нужны, не только дома, но и обществу. Затем, чтобы они не теряли надежды и верили в хорошее и, конечно, в добро! Так же я надеюсь, что мой опыт и знания в парикмахерском искусстве пригодятся девочкам, кто хотел бы после отбывания срока работать по этой профессии.

Каждый раз уезжаю с чувством благодарности за доверие и ожиданием скорой встречи!

Есть в нашей команде такой лозунг «ВСЕ НЕ ЗРЯ». Это правда.

Андрей Сорокин, журналист, писатель

Меня зовут Андрей Сорокин, я журналист, писатель и преподаватель медиадисциплин.

Для Наставнического центра в основном я пишу заметки в социальных сетях и профильных изданиях, снимаю видео и фото. Для этой книги я отобрал тексты постов из социальных сетей. Это маленькая история наших поездок, составленная по хронологии событий, мои впечатления и рассказы о деятельности Центра.

4 июля, 2022

Александра Гезалова я впервые увидел за завтраком в дорогом отеле. Он завтракал за соседним столиком и мы, в общем, по-человечески не успели познакомиться. Нас обоих пригласили на какой-то семинар НКО. Я рассказывал про то, как делать правильные презентации проектов, а Саня – про то, как эти проекты реализовывать. И тогда коллеги меня упрекнули «Ты что, не знаешь Гезалова? Это ж известный НКО-шник!». Меня такая характеристика совсем не тронула, мало ли в какой среде каждый из нас известен, цацки и регалии меня вообще не интересуют. А потом я узнал, что Саша – пожалуй, самый известный детдомовец в нашей стране. Тот самый, который выкарабкался сам и помогает другим. Тот самый, который протестует против задаривания детдомовцев спонсорскими подарками. Тот самый, которые постоянно ездит по тюрьмам, и возвращает бывших зеков к нормальной жизни. Тот самый, который помогает женщинам в трудных ситуациях и детям, оставшимся без родителей. Где-то и в одиночку, а где-то со

своей командой энтузиастов. Это дурацкое слово «энтузиасты» даже писать не хочется, но в сфере социальной помощи работают именно такие, денег там не заработаешь, статус - едва ли (хотя по крайней мере два беспрецедентных карьерных взлета всем известны). В общем, если хочешь помогать другим - будь готов, что это навсегда, и без серебра. У Гезалова сложная и богатая история работы в общественной сфере, были и взлеты, и падения. Он не работает ни от имени партии, ни от имени правительства, потому что помощь людям в трудной ситуации не имеет никакой окраски. Его или боготворят, или жутко завидуют. Про него сочиняют небылицы и слагают легенды. А он потихоньку собирает единомышленников и делает свое дело. Для других.

Я встретился с ним и записал небольшое интервью. Подозреваю, что не последнее. Целиком лучше посмотреть на ресурсах Гезалов-центра, а здесь короткий фрагмент. Посмотрите, пожалуйста. И - помогайте.

Круто же, если все мы обойдемся без чашки кофе, и пожертвуем небольшую сумму тем, кому она гораздо нужнее. Время дурацкое - сегодня поможете вы, а завтра помогут вам. И даже не думайте, что будет по-другому. Так победим.

4 июля, 2022

Вчера постеснялся сказать **Андрею Сорокину** как я себя ощущаю как общественник - никак. Это некоторая игра, в которой есть свои странные и порой страшные правила. И когда ты их понял, лучше всего не изображать из себя что то в этом понимающем. Стоит принять одно или другое, или на щите или под ним. Ошибиться. И эти законы нельзя понять.

Можно пытаться планировать, макетировать, но в один момент все куда то уходит..Хлоп и тебя прихлопнули. Я нашёл одну универсальную формулу, которая и помогает выживать в этой прассухе. Во первых не относится ко всему серьёзно и понимать что ты и кто ты под куполом Вселенной. Поднимаешь глаза и понимаешь- ты даже не пылинки. Ты даже не ноль. Во вторых, быть дурачковатым. Не строить из себя великого делателя. Так проще и тем, кто помогает - дурачков жалеют. Умных и дураков колотят нещадно.. Нужно быть где то между всем этим. Это нравится и чиновникам - ой, вот жеж..ну пусть суетиться))

А ты тихонько вяжешь свой свитер, от которого кому то становится теплее..

Ну и жить сегодняшним днем. Выпил чаю и вроде жив.. и все не зря..

30 июля, 2022

Позвонил Саша Гезалов: «Поехали с нами в тюрьму!». Я слегка оторопел. Какая еще тюрьма? Ну, понятно, что едва ли не половина наших школьных учебников, гордость русской культуры и науки – так или иначе побывали в «местах не столь отдаленных». От Владимира Ивановича Даля до Дмитрия Сергеевича Лихачева, но все же я не тороплюсь. В сферу моих интересов тюрьма никак не входит, образование и дети во всех видах, вот что мне гораздо ближе. «Нет, ты не понял, - кричит Саня в трубку. – Мы в женскую колонию едем, надо там туалет сделать для осужденных, ну и вообще то да сё, порадовать женщин».

Так я и оказался в этой интересной компании. Гезалова знает вся страна. Вернее, та ее часть, которая занимается социальными проектами, детскими домами и волонтерством. Но, сам выпускник детдома (или «детлома», как он сам называет этот прототип исправительно-ломательной системы), на детях не остановился. Двадцать лет он ездит по тюрьмам. Тюрьмы были всякие, и малолетки, и строгачи. Но во Владимирской области он особенно опекает колонии для женщин. Уже не первый раз он едет в колонию с очень странной командой. Ну сами посудите: певица, массажистка, подолог, барбер и мы с ним, два бородатых мужика, волонтеры на подмогу. На первый взгляд, вся эта затея и солянка специалистов суций паноптикум, думаю я, но ввязываюсь в бой, с надеждой по-наполеоновски разобраться в происходящем на поле боя. В машине кроме нас еще несколько мешков цемента, краска, сушилки для туалетов, зеркала и прочая мелочь.

«Саня, а тебе все это зачем? Как ты вообще по тюрьмам начал мотаться?» - спрашиваю я, пока мы стоим в пробке на Горьковке. И он он начинает пространно вспоминать, как впервые пришел в колонию с предложением помогать осужденным, как добивался понимания и расположения у всяких важных генералов, как доказывал нужность помощи извне и прочее. Но я так и не понимаю мотив. «Не томи, тебе всё это зачем?» - не унимаюсь я. Он вздыхает: «У меня два брата отсидели. И когда я поизучал эту исправительную систему, понял, что и там есть что исправить. Вернее много, что нужно сделать

там, со всеми тамошними нюансами и особенностями. Именно делать, а не говорить. У нас, к сожалению, только много говорят». Это его «пунктик», если он замечает, что нужна помощь, сразу организует целую спасательную кампанию.

В женских колониях не сразу разобрались кто такие «барбер» (от слова «Барби» что ли?), «подолог» (как-то странно рифмуется с нехорошим словом, в тюрьме подонков хватает, зачем еще?). Но когда поняли, все равно сопротивлялись. Колония – даже и женская, учреждение режимное. Всё строго по регламенту. Зачем еще эти глупости, типа лечения женских ногтей или тайского массажа? Но «план воспитательной работы» ждать не может. Разрешили.

Женщины здесь, в колониях, разные. Кто-то по глупости попал, кто-то за конкретное дело. Тюрьма различий не делает – наркотики, грабеж, мошенничество, убийство – хотя в уголовном кодексе всё звучит одинаково угрюмо и зеленые бесформенные робы на всех одинаковые, и белые платки тоже одинаково всем надоевшие. Но – разная судьба в каждом лице. Холодные бесцветные глаза. Дежурное «здравствуйте, осужденная такая-то, отряд такой-то, статья такая-то». И за всем этим поломанная жизнь. Обида, тревога, злость на всё и всех, апатия, депрессия, или – всё сразу. У каждой своя история. Кто-то «исправится», выйдет и будет вспоминать отсидку как страшный сон, а кто-то вернется снова. Шутка на выходе «ждем вас снова», здесь вовсе не кажется шуткой. Кому-то срочно нужно УДО, а кто-то и выходить не хочет. Зачем, если здесь харч и работа, какая-никакая занятость. А на воле – попробуй еще определись с работой и жильем. Все всё понимают.

И постепенно я начинаю понимать, что наша «артистическо-массажно-парикмахерская» бригада совсем и не паноптикум. Осужденные женщины с землистыми лицами вдруг начинают улыбаться, глаза как будто бы теплеют. Эля-барбер (модное слово в отличие от «парикмахера») спокойно рассказывает, что сейчас модно и как ухаживать за волосами. Женщины, ожидая своей очереди к ней, заворожённо слушают, что какой цвет волос сейчас в тренде и кажется, что они на несколько минут забывают, что воля светит не скоро, кому через два, а кому и через семь лет. Оля-подолог каждой рассказывает, что там у них с пятками и ногтями, трет и скребет подошвы своими хитроумными шлифовальными машинками, объясняя, что ноги это важно. И женщины (может, впервые в своей пролетарско-воровской жизни!) начинают ощущать себя настоящими женщинами. Я сам от всего этого шалею, мне почему-то приходит на ум, Христос так ноги омывал Иуде. И Оля стоит на коленях и скребет Бог знает чьи пятки. На Свету женщины в робах смотрят как на богиню. Многие из них про тайский массаж слышали только из рекламы по телевизору, это для некоторых какой-то неведомый мир. А тут – пожалуйста, всем желающим можно. И Света чувствует как стальные заблокированные во всех местах женские тела расслабляются, выдыхают и отпускают всю злобу мира от себя подальше. Всё это настоящая магия преображения зашоренных и

загнанных в тупик людей. А когда Глафира в актовом зале спрашивает «что вам еще спеть», и в ответ робко из третьего ряда «а про виноградную косточку Окуджавы споёте?», у меня перехватывает дыхание. А две зеленых робы в третьем ряду подпевают Глаше и вытирают слезы. Может, в первый раз за время отсидки они плачут, по регламенту слезы здесь не положены.

Нас провожают цветами и вкусным (правда, вкусным!) зековским хлебом со словами «Приезжайте еще!». И мы все понимаем, что в этом случае – это звучит как надежда на спасение. Такая тонкая невидимая нить, которая связывает этих женщин в робах с внешним миром. Кажется, Гезалов всё это придумал не зря. Такие нестандартные приветы из мира модных причесок, кутикул и тайского массажа – делают в тысячу раз больше, чем стандартные беседы о правильном поведении. Робы вспоминают о родных и близких, о том, какой могла бы быть жизнь, если бы не было всего этого серо-зеленого мира с колючей проволокой, решетками на окнах и конвоирами за спиной.

Теперь Саша Гезалов сотоварищи задумал организовать круглый стол по социализации заключенных женщин. Звучит пафосно, но это про жизнь. Еще он собирает волонтеров, готовых со своими умениями приехать в зону. Кто хочет помочь – пишите.

Мы возвращаемся в Москву, а Саня сокрушается, что среди всех программ «Гезалов-Центра» эта, про помощь женщинам в тюрьмах, самая не популярная. Тема тюрьмы что ли отпугивает людей.

Но в России, как известно, зарекаться от этого дела не стоит. Ведь такие поездки с мастер-классами в итоге делают жизнь этих женщин однозначно лучше, ну, или чуть светлее. Если захотите помочь – помогайте. Помните, что писали в древних книгах – сегодня поможешь ты, а завтра помощь придет к тебе. Проверено.

9 августа, 2022

Когда мой прекрасный проект «Странник», "поставили на паузу" (новое выражение из современного лексикона, наряду с "хлопком", "подтоплением", "операцией" и прочими) я решил метнуться в ("тюрьму" - зачеркнуто) исправительную колонию с командой из АНО "Наставнический Центр Александра Гезалова". Посмотреть, на «тюремное служение», а заодно немного поснимать видео и расспросить Гезалова, как его угораздило заняться помощью женщинам-заключенным. Так я оказался в компании невероятной: певица, массажистка, подолог, парикмахер, Гезалов в качестве водителя и продюсера всей акции и я, писатель-волонтер. Сначала мне казалось всё это сущим сюрреализмом. Певица - это еще ладно, добрая песня и рецидивисткам приятна. Но кому там в колонии нужен тайский массаж? До него ли женщинам за решеткой? А подолог? Это и для некоторых людей на воле специалист из области фантастики - в тюрьме-то он зачем?! А парикмахер, пусть даже и невероятно модный (особенно, модный!) для кого там, за решеткой?!

Надо сказать, что в женской колонии я ни разу до того момента не был. Поэтому слабо представлял себе женщин-заключенных. Но оказалось, что всё не так уж страшно. Наоборот, вся эта компания Гезалова принесла барышням в робах свет. Напомнила, что жизнь на воле гораздо лучше, чем в колонии. А нормальная жизнь - лучше в тысячу раз. Женщины в тюрьме разные - кто-то по глупости попал, кто-то намеренно. Кому-то пару лет отсидеть, а кому-то пятнашечку. Часто бывает, что для молодой женщины срок за решеткой - дольше, чем она вообще успела прожить на воле до своих уголовных приключений. Гезаловская команда ездит по колониям давно - изо всех сил (своими силами!) старается женщинам не дать забыть о другой жизни, старается поддерживать в них луч добра. Иногда, лучик этот скажем честно, очень слабый, но он все же есть (помните, даже в старухе-процентщице он был).

Самое интересное, подслушивать. Вот Эля-барбер четкими движениями состригает лишнее. "Вы мне карэ сделайте на ножке, пожалуйста, я на следующей неделе освобождаюсь!" "Вы знаете, говорит Эля, - выбирая слова, - волосы у вас жидковаты для "ножки", я бы сделала вот так" - лихо щелкает ножницами.

"Больно вам?" - деликатно спрашивает Света, по-тайски выкручивая шею барышне со следами порезов на запястье. "Ничего, говорит та, зато голова прояснилась!". Хорошо, думаю я, что прояснилась, значит, на пользу тайский массаж.

В это время перед Олей-подологом сидит грузная цыганка: "Давай милая, я тебе про жизнь расскажу!". "Я вам сама сейчас всё расскажу!" - отвечает Оля, доставая шлифовальную машинку для грубых цыганских пяток. Так проходит день нашей гуманитарной экспедиции, сначала в одной колонии (для рецидивисток), потом в другой (для первоходов).

Кстати, кроме этих прекрасных спецов Гезалов притащил в колонию стройматериалы. В одной колонии помогает со строительством туалета. Вот уж женщины будут в восторге, когда дело подойдет к концу. Наши там побывали, говорят – лучше не ходить, глаза режет. Вот после этих «глаз» и решил Саня Гезалов построить нормальный туалет в женской тюрьме. Женские глаза надо беречь, хоть бы они и преступницы-уголовницы. А может, они от того и становятся рецидивистками, что испытывают бытовые неудобства, кто ж их разберет. А в другой колонии – надо помочь в тамошнем Доме ребенка. Понятно, что колония вовсе не санаторий. Но дети заключенных все же должны страдать меньше. Выходит, например, мамашка в робе с коляской погулять и что видит ребенок? Серый забор с колючкой. Это, конечно, сильно влияет на его картину мира. А чтобы эта картина была поярче, Гезалов привез в колонию разноцветные краски. «Разрисуйте, - говорит, - эту серость, пусть

повеселее детям будет». В колонии разные барышни попадают, есть и художницы с образованием. Они с радостью за эту работу взялись.

В следующий раз попрошусь с Гезаловым опять, проинспектирую и женский туалет, и разрисованный в яркие цвета тюремный забор на территории Дома ребенка. Потому что за детей я тоже горой.

30 августа, 2022

То был очень жаркий день. Солнце палило нещадно. Небольшое футбольное поле, засыпанное песком и землей. Напряженные суровые лица болельщиков. Каждый удар по мячу поднимает песчаную волну. На спорте сегодня - воры, убийцы, насильники, грабители, наркоторговцы и прочие хулиганы. Все - исправляющиеся. Время и место очень для этого располагает.

Временами мне казалось, что здесь всё смешалось (почти по Толстому, но здесь другая тема): черные спортивные майки, квадратные фуражки обслуживающего отряда, робы болельщиков, камуфляж охранников, татуировки, бритые головы – и только два бородатых мужика – это мы с Гезаловым.

Мы приехали в одну из колоний строгого режима во Владимирской области на спартакиаду заключенных. Спартакиада самая настоящая – с турнирными таблицами, судьями и призами. Собственно, Александр Гезалов эти призы и привез, как член общественного совета УФСИН по Владимирской области и как руководитель наставнической общественной организации. Я приехал снимать кино про всё это.

Для людей со стороны – это событие невероятное. Для сотрудников исправительной системы – задача сложная. Подготовить спортивные команды

по разным видам спорта, собрать всех в одном месте, обеспечить охрану, безопасность и порядок. Понятно, что выехать за пределы своей ИК в другую, для заключенных так себе путешествие, но хоть какая-то смена картинки! Спортивные дисциплины выбрали тоже не из простых: футбол, волейбол, эстафета, пинг-понг, шахматы (вы сейчас тоже вспомнили знаменитое «Лошадью ходи!») и нечто грандиозное – перетягивание каната. И вот всё это великолепие шесть часов под палящим солнцем, в последний жаркий день лета.

Начиналось все обычно – построение, гимн, «разойтись по командам», «приготовиться!». Но через полчаса напряженная обстановка сменилась таким азартом, что Лужники в этот момент занервничали. Давно замечено, что вовсе не колыт уравнил всех, а футбол. За своих болели все – и заключенные-члены команд, и охранники, которые их привезли. Удар, еще удар! Лысый – бей! Андре-е-ей, догони! – после каждого удара мимо ворот, по стадиону проносится всеобщий выдох «Ну!!!». А каждый гол – аплодисменты, «Красавчик!». Уже все забыли, почему здесь оказались. Всеобщее единение, потому что футбол – объединяет. Вокруг стадиона бараки отрядов местной колонии. Во всех окнах – бритые головы: «Давай в девяточку!». Гезалов давний судья этого турнира, судит строго, с ним подкаты в духе «На кого батон крошишь, дядя?» - не прокатывают. Нарушил правила – получи желтую карточку. Быкуешь – получи красную и вон с поля. У него даже матом никто не ругается. Кто-то промазал по мячу, в сердцах вылетела «бляха-муха», Гезалов нахмурился, в ответ прилетело: «Простите, товарищ судья». Я думаю, мужики, ну вот же, все вроде нормальные люди, ну чего ж на воле вам нормально не живется.

Гезалова мужики узнают. Подходят, здороваются. «А вы, кажется, в 20-м тоже наш матч судили?» - спрашивает его зэк со следами буйного прошлого на лице. «И в 20-м, и в 21-м» - отвечает Саня. «Ну, в 21-м не знаю, я тогда освободился» - отвечает герой матча. Все эти «спортсмены», конечно, вовсе не простые мужики. Многие даже из разных колоний давно знакомы друг с другом. Про статьи лучше не спрашивать. Во-первых, сразу поймешь, что оказался в маленьком аду, полным чертей, во-вторых, мотивы и обстоятельства здесь не обсуждают, разговаривают цифрами: «два-два-восемь, часть вторая», «двести тринадцатая», «сто тридцать вторая». Участие в спартакиаде – для них не просто удовольствие и любовь к спорту. Это еще одна ступенька к УДО. Условно-досрочное освобождение это большая тюремная мечта. Я услышал в разговорах с сожалением: «Я бы лучше к вам присел, у вас хоть по УДО отпускают, у нас – никого».

И когда после каждой футбольной контратаки вратарь отчаянно хрипло кричит, призывая команду в свою зону (о! слово «зона» здесь звучит вовсе не по-спортивному): «Домой! Домой!» - ему вторят все болельщики за кромкой поля. И кажется, что это громогласное «Домой» вовсе не про футбол. Домой здесь хотят все. Хотя, так уж несправедливо устроен мир, некоторые (а может, и многие) снова вернутся в зону. На воле жизни нет, нет дома, нет работы, нет никакой поддержки. Поэтому и возвращаются. В 21-м он освободился после «пятерки», и вот опять сел «на малеху», всего полтора года дали.

Я думаю, что даже такой футбол в местах лишения свободы – это и есть свобода. Хотя бы на время матча никто не чувствует себя ни заключенным, ни охранником. И это, конечно, ценно. На время матча другая жизнь, другие отношения, когда ты в команде – ты всегда нужен, и всегда тебе найдется дело. Общее дело.

Под финал спартакиады – особый вид спорта – перетягивание каната. Я поднимаю камеру и слышу шепот за спиной: «Вот смотри, наши быки выходят!». После команды «начали!» болельщики взрываются эмоциями, «быки» стиснув зубы, синхронно выдыхают, упиравшись ногами в песок, он, гад, уходит из-под ног, надуваются жилы на горле, вздуваются не раз порезанные вены на руках, татуировки на спинах будто оживают. Над маленьким пяточком соревнований концентрируется энергия, способная запустить атомный реактор. «И-раз! И – раз! И -раз!» - проиграть невозможно, напряжение зашкаливает. Долгожданная победа – и снова взрыв эмоций. Мы – победили!

Мы с Гезаловым возвращаемся в Москву, совершенно ошалевшие от этого дня. «Саня, ну скажи мне, ну почему ж так – если все мужики нормальные! Ну вот же – могли бы и дома они так же тусить, играть с пацанами в футбол и орать! Ну на хрена жизнь себе ломать?» - спрашиваю я, не успев остыть от всех этих гладиаторских боев.

Саня философски смотрит на трассу, он не знает ответ на этот вопрос, хотя с несправедливым устройством мира сталкивается каждый день. Ничего изменить в нем нельзя, но можно помочь тем, кто в помощи нуждается. Даже людям в тюрьмах помогать надо. В России эта тема не очень продвигается (хотя советуют не зарекаться), но нельзя не протянуть руку упавшему. Понятно ж, что святых нет, но если человеку помочь и показать другой мир, может он и не захочет больше возвращаться за решетку?

На заправке кассирша душевно спрашивает: «Вам в кофе сиропчик добавить?». Гезалов говорит: «Не надо. Мы из тюрьмы. После тюрьмы нам всё – сиропчик».

8 ноября, 2022

Вы тоже были когда-то ребенком и мечтали покататься на гигантской стрекозе? Помните, я рассказывал вам, что в двух колониях Владимирской области мы с командой Гезалова регулярно помогаем женщинам вернуться к жизни. Ну, или как это называется в официальных документах – реабилитация, социализация (реинкарнация – зачеркнуто). Ребята из АНО "Наставнический Центр Александра Гезалова" там проводят концерты и мастер-классы по разным профессиям, чтобы женщины, когда выйдут из заключения, могли на воле освоиться, прийти в себя и никогда уже не попадать в места лишения свободы.

Так вот – в одной из колоний есть Дом ребенка. Там живет малышня, которая попала за решетку не по своей воле, а по воле своих матерей. Получается, что эти дети начинают жить за колючей проволокой. Согласитесь, так себе начало жизни. И некоторое время назад «Гезалов-центр» начал собирать деньги для покраски забора в Доме ребенка. Так устроена пенитенциарная система в нашей стране – много регламентов, порядков, согласований. Настолько много – что даже забор покрасить там не так просто. Но ребята собрали деньги, а Саня Гезалов пробил разрешение. И – вуаля! – отличный веселый забор. Который, кстати, разрисовали сами осужденные

женщины. Художников там хватает. Не знаю, как вы, а я почему-то смотрю на эти картинки и улыбаюсь. Теперь дети, выходя на прогулку, будут видеть не серую стену, а веселых гигантских стрекоз, и мечтать, что когда-нибудь улетят верхом на стрекозе в страну мечты. Здорово же!

19 ноября, 2022

Раннее утро. Многие еще спят. Московская метель бьет в лобовое стекло. Наши смартфоны пестрят сообщениями: «Да, уже выехали», «Привет, едем в тюрьму», «Ага, опять». Для непосвященных это кажется чистым сюрреализмом. Куда? В тюрьму?! Зачем? Что, уже?

Мы и вправду едем в места лишения свободы. Но свободы нас никто не лишал. Скорее, наоборот, мы везем туда немного свободы. Сотрудники системы исполнения наказаний не любят это слово – «тюрьма», предпочитают говорить нейтральное – «учреждение». А официально это называется «исправительная колония». Но, конечно, суть таких учреждений понятна всем, как не назови.

Есть такой человек – Александр Гезалов, он известен как непоседливый общественник, который создал Наставнический центр в помощь всем бедным, сирым и обездоленным. Его знают и детдомовцы по всей стране, и многодетные семьи, и инвалиды, и старики. Но двадцать пять лет назад он решил, что помогать нужно и осужденным. Система исполнения наказаний потому так и называется, что четко делает то, что предписывает суд - исполняет наказания – то есть сажает людей за решетку в соответствии с приговором. Но

человек, совершивший преступление и осужденный за это, нуждается в помощи, иначе никакого исправления не получится. Получится только молчаливое озлобление на всех и вся, на себя и на систему. Вот для того, чтобы помогать осужденным в самое, пожалуй, непростое время жизни, Саня решил создать отдельную команду. Мы и есть эта команда. Мы едем помогать людям в местах лишения свободы.

Наша цель – две женские исправительные колонии во Владимирской области. Принято считать, что самые злодейские злодеи в обществе – мужчины. Оказывается, и женщины тоже хороши. Вот такую информацию нашел в Сети: «в 2018 году в российских колониях отбывали сроки 45 тысяч женщин, это почти 10% всех осужденных». А теперь представьте – что это 45 тысяч матерей, бабушек, дочерей, прекрасных, умных, любимых и любящих. Они за решеткой. Я однажды спросил тамошнего полковника: «Сколько лет самой старшей сиделице у вас здесь?». В ответ услышал «83 года». Моему недоумению он, улыбнувшись, ответил: «Вы же слышали анекдот про то, как бабушка дедушку уколошила? Так вот это не анекдот». Да, женщины там разные, есть и идейные «нарушительницы закона», есть отъявленные рецидивистки, а есть те, кто попал за решетку по глупости. Статистика говорит, что основная статья «два-два-восемь» - за манипуляции с наркотиками сроки дают большие. Пока сидишь в зоне, озлобишься до крайней степени. Так вот, чтобы этого не произошло, чтобы женщины подумали о жизни, чтобы не упали духом и вправду решили исправить свой непростой путь – мы и ездим к ним.

Кажется, что в России, кроме Гезаловского центра этим не занимается никто. Ведь одно дело – привезти артиста в колонию и поставить галочку. А другое – целенаправленно, намеренно, постоянно помогать.

В нашей команде – девчонки помогающих профессий, психологи, врачи, мастер по маникюру, парикмахер, косметолог, массажист. Женщины всегда остаются женщинами, и даже в «зоне», под белым форменным платком хотят сохранить свою красоту и женственность. Правда, бывает и по-другому – многие осужденные признавались нашей Оле, что маникюр попробовали впервые в жизни, только благодаря ей, вот здесь, в тюрьме. Конечно, Оля не делает никакие найл-художества, только нейтральный лак, борьба с кутикулами-заусенцами и консультации по уходу за руками. Но женщины всегда ждут ее, как гуру красоты рук. В соседней комнате – очередь к Милене, она тоже волонтер и опытный косметолог. Для многих это тоже отдельная Вселенная. Милена профессионально смотрит на лица – «вам нужно вот эти мышцы расслабить», «а вот здесь у вас шелушение – надо убирать», «чем пользуетесь? Скрабом? Вам он противопоказан!». К Инне тоже стоит очередь из белых платочков – брови и прически – это для девушек совсем не мелочь, даже в местах лишения свободы. Я поднимаю камеру и только в этот момент понимаю, что не только девушки, но и вполне пожилые женщины тоже хотят красоты. Самая тихая работа у Светы – она делает заморский тайский массаж. Медленно и уверенно лечит спины и убирает телесные блоки на коврике. На нее смотрят заворуженно. Еще вчера тянула и ныла спина, болела шея. А Света сделал пару движений, и вся боль ушла. «У нее хорошие руки», говорит мне

шепотом женщина, которая, кажется, только сейчас улыбнулась за последние пять лет заключения.

Еще в нашей команде появились два важных человека – психолог Настя и гинеколог Мария. Для нас обе они – большое подспорье. Мы с Саней краем уха тоже просвещаемся, потому что разбираться в женской жизни важно, раз уж так сложилось наше «тюремное служение», а уж для женщин заключенных это вообще отрада – все важные вопросы о здоровье, психологическом и физическом, можно уточнить у наших профессионалов. К слову, в женских колониях, конечно, есть и свои врачи, и свои психологи. Но когда консультации дает «человек с воли» – это совсем другое дело. Как ни крути, но человек в погонах для осужденных всегда «гражданин начальник», а волонтер, напротив, «добрый человек».

Пока идут мастер-классы и консультации в клубе начался концерт. С нами приехала Юлия Теуникова, она давно известна в московской рок-тусовке и сама про себя говорит «скромный труженник рок-андеграунда». Юлия выходит на сцену и начинает с известных песен. «В горнице моей светло» ей сначала робко, а потом всё громче подпевает весь зал. Мы приехали в рабочий день, многие женщины на работе, те, кто свободен – заняты своими делами. В зале собралось немного людей. Но уже к концу второй песни я оторвался от камеры и посмотрел в зал – свободных мест не было. Даже сотрудники колонии пришли послушать необыкновенный Юлин голос. А когда она запела цыганские песни, старушки в робах дернули меня за рукав и спросили «А танцевать можно?» – я отшутился – «Конечно». И через мгновение бабули пошли в пляс. Мне уже казалось, что мы в не в колонии с зарешеченными

окнами, а на лихой балканской свадьбе, все улыбаются, танцуют и нет никаких сроков, статей и правил. Но они всё же есть.

Вот это и есть главное достижение наших поездок. Осужденные на немалые сроки женщины, вдруг оказываются в другой реальности – где им рассказывают и обучают новым профессиям, где делают их красивее, где вместе с ними поют песни и дарят эмоции «с воли». Убийцы, наркоторговки, грабительницы и разбойницы – вдруг понимают, в чем была главная ошибка их жизни, понимают, что есть другой мир, другие отношения и другие люди. И мы стараемся приезжать к ним чаще, чтобы это понимание «другой жизни» не стерлось в памяти, а закрепилось навсегда.

«Александр Самедович, приезжайте, пожалуйста, на Новый год! Мы тоже концерт готовим! Ждем вас» - говорят они Гезалову. А он в этот момент уже ломает голову, как объять необъятное, дел много.

Узнав, что мы приезжаем в колонию, специально из Судогды приехала заместитель главы района Нина Медведева. Приехала, чтобы вручить Сане местную почетную награду, знак «За добрые дела». «Вы наш ангел!» - сказала она. А Гезалов смутился: «Спасибо, да что я, у меня команда большая...». Это еще одна задачка, которую Наставнический центр решает много лет – проводит сбор помощи, продуктов, одежды, игрушек, медицинских препаратов для семей в трудной жизненной ситуации в малых городах. В числе них есть и Судогда. Каждую неделю автоволонтеры развозят грузы, которые готовят в Центре. Судогда, Суздаль, Юрьев Польский и еще десяток городов – для маленькой общественной организации география очень внушительная. Много семей получают помощь, кто-то благодарит, кто-то забывает...

Мы возвращались из нашей «тюремной» поездки в Москву уже поздно вечером. Опять мела метель, и пробки были весьма затяжные. Про новые проекты говорили уже в машине. Страна у нас большая, везде и всегда кому-то нужна помощь. Присоединяйтесь и вы. Помогайте помогать.

14 января, 2023

Вы знаете, мы живем интересно. Интересно, что популярная шутка «мы с друзьями ходим в баню» в нашем кругу давно трансформировалась в другую - «каждый месяц мы с друзьями ездим в тюрьму». Так и есть, каждый месяц мы стараемся ездить в исправительные колонии для женщин во Владимирской области. И вот состоялась наша первая поездка в этом году. В нынешней команде – прекрасный состав. Оля - лучший в мире мастер по маникюру, Настя – профессиональный психолог, Юля – рок-звезда (это не шутка!), Мария – настоящий врач-гинеколог, Маша – тренер по футболу, Саша Гезалов – организатор и вдохновитель всех добрых дел, и я – скромный супер-герой, который все наши приключения фиксирует на фото-видео.

Я уже не раз рассказывал, зачем мы всё это делаем. Но расскажу еще – каждый приезд нашей команды в места лишения свободы – это особая миссия Гезалов-центра. Всем известно, что тюрьмы (хотя сотрудники системы ФСИН не любят это слово, называя такие учреждения просто «учреждения», но как ни назови, всем всё понятно) – не самое приятное место. Режим, регламент, охрана, колючка, строгие условия содержания. Для осужденных – это веха в жизни и, пожалуй, самая страшная страница (хорошо, если она не повторяется, но часто бывает по-другому). Особая миссия заключается в том, что с помощью наших мастеров (маникюр, педикюр, массаж, психосеанс, коррекция бровей – и что там мы придумаем еще) осужденные женщины получают немного другой жизни, немного той свободы, о которой и нужно мечтать и думать весь свой

срок, немного радости, которой многим из них не хватало в прежней «вольной» жизни. Оля каждый раз открывает Америку для девчонок, которые сидят за сбыт наркотиков в своей условной рязанской глубинке, рассказывая им об уходе за собой. Не всякая сиделица вообще успела в свои 20-30 лет попасть к дорогому мастеру по маникюру, а тут Оля приехала к ним сама. Юлия Теуникова – вообще-то известная рок-певица, её знает весь андеграунд страны, она постоянно живет на гастролях. Но каким-то хитрым способом успевает ездить с нами в колонии и петь для осужденных женщин. Когда она запекает свой, наполненный слезами и смехом балканский рок, женщины в зеленых робах в зале плачут и не хотят ее отпускать со сцены.

В нашей команде – Настя – высококлассный психолог. Мы знаем, что в системе ФСИН серьезно относятся к психологической работе с осужденными. Но давно есть запрос от женщин в колониях на работу с гражданским психологом. Все же понимают, что специалист в погонах и специалист из общественной организации это, как говорил Михал Михалыч Жванецкий, «две большие разницы». Наш психолог мог бы здорово помочь системе исполнения наказаний в решении многих проблем. Но для того, чтобы система повернулась лицом к такому новшеству нужна серьезная работа с двух сторон. Мы работаем над этим.

Еще одна идея. С нами поехала Маша, капитан женской команды по футболу «Школота» (не смейтесь, я тоже стараюсь держаться!). Маша – консультировала осужденных девчонок по футболу, мы постараемся наладить работу футбольных команд в колониях, а летом проведем супер-турнир по женскому футболу.

Еще один член нашей команды – Мария, врач-гинеколог. Я немножко подсмотрел прием в медсанчасти. Женщина с землистым лицом, на мой взгляд лет 60-ти, жалуется на проблемы со здоровьем. «Ну что ж, - вздыхает врач, - сколько вам лет?» - «Сорок три» - отвечает женщина, и в этот момент мне становится стыдно за эти шестьдесят лет, о которых я подумал. Поток женщин к нашему врачу большой, что как раз и подтверждает тезис о доверии к специалистам со стороны. Женские болезни – штука важная. Жаль, что за несколько часов в колонии не успеваем помочь всем. Помощь Марии – капля в море – хотя и очень важная капля.

Саша Гезалов старается держать нашу маленькую бригаду в поле зрения и каким-то непонятным образом успевает общаться с осужденными женщинами. Его давно знают, называют уважительно «дядя Саша». Дядя Саша успевает похвалить, пожурить и побурчать на каждую. «Куришь вредно!» - кричит он издали женщинам в курилке. И в ответ слышно «Мы знаем!». Это превратилось уже в ритуал приветствия.

В этот раз договорились о важном – в Доме ребенка в одной из женских колоний поставим «соляную комнату». Здесь малыши живут с осужденными мамами первые годы своей жизни и очень важно, чтобы они могли получать порцию полезного соленого «морского» воздуха. Администрация колонии в этом вопросе с нами солидарна, и если мы наберем необходимую сумму пожертвований, малышам сделаем полезный подарок. «Соляная комната» - один из приоритетных проектов АНО "Наставнический Центр Александра Гезалова".

Прямо во время концерта Саша Гезалов наградил серебряными значками за доброе дело активистов Наставнического центра. Зал, полный зеленых роб, взорвался аплодисментами, наших девчонок здесь хорошо знают и всегда ждут.

Мы прощаемся традиционно: «Скорее выходите! Увидимся на воле!». Хотя знаем, что такое прощание годится совсем не для всех. К сожалению, со многими мы еще увидимся в зоне. Хотя, хочется верить, что наш приезд добавит света и радости в жизнь осужденных женщин, и, конечно, приблизит к заветному УДО.

9 марта, 2023

Шесть утра, трасса М7, восьмое марта. На дороге страшный туман, видимость, может, метров пятьсот. Водители знают, что эти 500 метров даже на разрешенной скорости, сильно усложняют жизнь. В то самое время, когда нормальные мужчины начинают шептаться соседкам по кровати поздравительные слова, щуриться от сладких утренних снов и предвкушать праздничное шампанское, мы несемся в тюрьму. Гезаловская машина забита новыми дарами для женских колоний. В одну мы возим мешок спортивной одежды и обуви (спасибо, ЦСКА!), в другую – оборудование для Дома ребенка, детям там будут показывать мультики, пока мамы строчат на швейной фабрике

(этим малышам не повезло, они сели в тюрьму вообще ни за что, за компанию с мамами).

Экипаж машины сегодня небольшой: Саня Гезалов, вдохновитель наших побед, Эльдус Сайфулин, артист с гитарой (он в первый раз едет с нашим десантом, поэтому волнуется), и я в качестве скромного супергероя с камерой (про меня шутят «Этот - с камерой в камеру!»). Вообще-то предполагалось, что с нами поедут наши постоянные боевые подруги Оля – волшебница маникюра, педикюра и прочих кюров, и Света – черный пояс по тайскому массажу. Но время сейчас шальное – кто-то заболел, кто-то не смог из-за прочих бытовых неурядиц. Из женщин сегодня только Милена – косметологический маг, но она едет в другой машине с мужем Владимиром. Он - мужчина суровый, видимо, решил не отпускать жену в тюрьму с другими мужиками. Это понятно, не каждый на такое решится.

Наша первая точка – колония в Ликино. Это учреждение для рецидивисток. Здесь отбывают наказание женщины, совершившие не одно преступление. На пропускном пункте проходим все положенные процедуры по досмотру. Телефоны с собой проносить нельзя, разумеется, нельзя проносить и никакие запрещенные предметы, оружие и наркотики (у нас и нет ничего!). Досмотр строгий. Больше всего проблем сегодня у меня – камера, наушники, батарейки, зарядка. Почему-то наушники всегда вызывают вопросы. В который раз объясняю, что они проводные, что необходимы для подслушки при съемке, что никакого сигнала извне они не получают и не передают.

Пока ждем разрешения на выход из отстойника, Милена нашла на замерзшем окне бабочку и пытается вдохнуть в нее жизнь. Буквально – сидит и дышит на окочуренную бабочку на ладошке. Сотрудница из охраны смотрит на нее с недоумением. Но вдруг бабочка медленно начинает шевелить крыльями.

Недоумение охранницы увеличивается. Милена заливается смехом. Я думаю, что это хорошая метафора наших приездов – вот так мы пытаемся вдохнуть жизнь в это депрессивное место и в потерявших веру в жизнь осужденных женщин.

В этот раз программа нашего десанта небольшая, но праздничная: прием у косметолога (Милена – человек ответственный, привезла кучу разных женских примочек и даже притащила с собой массажный стол!) и концерт Эльдуса с песнями под гитару. Он переживает, что его репертуар может не понравиться осужденным женщинам. Показателен наш диалог: «Ребят, я же блатных песен не очень много знаю... - И не вздумай их петь!». В наших беседах, мастер-классах и концертах мы специально отстраняемся от всей воровской-тюремной романтики, иначе какой смысл рассказывать женщинам о том, что пора начать новую жизнь на воле?

В этот приезд хотели провести еще и футбольную тренировку, но в спортзале колонии потекла крыша, заниматься в зале пока нельзя. Саня Гезалов, услышав это, сразу начинает думать, как починить крышу. Но пока не до нее. Пока надо заменить смесители в отрядах и отремонтировать туалет в клубе.

Тут сразу может возникнуть много дискуссионных вопросов, дескать, а чего ж, сама колония не может что ли? Может, конечно, но так получается, что главная функция системы – исправление и перевоспитание осужденных (сейчас это не обсуждаем), до бытовых вопросов не всегда доходят руки. И, к сожалению, вопрос «Где взять денег на всё?» - актуален и здесь.

Пока Милена наводит красоту счастливицам (желающих много, решили сегодня принять только тех, у кого день рождения в марте), за стеной, в актовом зале Эльдус начинает потихоньку петь песни. Концерт начинается

незатейливо, но по-домашнему. И вот уже в зале буквально негде (яблоку упасть – зачеркнуто) сесть. Женщины стоят в проходах, вдоль стен, кто-то начинает пританцовывать, кто-то вместе с ним поет заводную песню «Эх, вдоль дороги размыт ров, /Перепутаны провода! /Икша, Яхрома, Дмитров –/ Ру-у-у-ские города!». Кто-то кричит «"Анимация" поет, я слышала!», Эльдус скромно поправляет: «Вообще-то, я эту песню я написал».

Гроном аплодисментов, если можно так назвать нестройные овации, заканчивается концерт. Саня кричит мне «Андрюха, снимай!» и зовет на сцену Милену. Сегодня праздник и у нее – ей вручили специальный почетный знак Наставнического центра, зря что ли она уже второй год ездит в колонии радовать женщин своими косметологическими примочками!

Каждому отряду подарили по букету тюльпанов, и для осужденных женщин это стало настоящим подарком. Такая красота посреди зимы (снегу здесь столько, что весна и не чувствуется!). Все же женщины везде одни и те же. Подавай им красоту в разных видах!

Меня просят сфотографировать их с букетом цветов, передают друг другу как обязательный атрибут фотосессии «И меня! И меня, пожалуйста!».

Нам некогда. Мы спешим в другую колонию – в Головино. Эта – для первоходок. Зал для концерта здесь больше, но и осужденных очень много. Это такая женская страна. За колючей проволокой, которая будто в насмешку названа «Егоза». Я как филолог отмечаю – «егоза – непоседливый ребенок, чаще так говорят о детях». Доброе слово-то, а окольцевало недоброе. Здесь в колонии есть Дом ребенка. Летом мы привезли сюда краску, чтобы разрисовать забор территории, где гуляют малыши. Сегодня – оборудование для показа мультфильмов. А еще Наставнический центр ведет сбор для соляной пещеры (медики сказали, что здешним детям это нужно для здоровья, вы можете помочь – ссылка в комментариях).

В зале – торжество зеленых свитеров и любопытных глаз. Эльдус уже смелее рассказывает байки из жизни, поет Окуджаву, Высоцкого и, конечно, свой хит – «Русские города». Через полчаса эти двести (а может, триста!) женщин с грустными глазами, как родные, подпевают и улыбаются: «А можете, еще что-нибудь спеть?». И в общем, вроде ничего удивительного. Я знаю, что некоторые из сидящих в зале с консерваторским образованием, и на воле они бы скромного Эльдуса даже слушать не стали. Но вдруг – прорвало, расчувствовались. Главное ведь не академический вокал, а душевная атмосфера, которая только в таких встречах и рождается.

Основная статья, по которой здесь сидят, печальная - «два-два-восемь». Это манипуляции с наркотиками: приобретение, хранение, сбыт, перевозка и прочее. Женщины попадают в основном по глупости и по бедности. Наркотики – вроде легкие большие деньги (которые потом превращаются в большие сроки за решеткой). Нас провожает до пропускного пункта зеленая роба, Люба: «Жаль, что я не могу пойти с вами дальше, мне еще семь лет» (и это она не о возрасте).

Каждый раз мы выходим из колонии ошарашенные. Каждый раз. Потому что не хочется расплескать тот свет, который рождается из наших

встреч с осужденными. И им тоже не хочется. Такими приездами мы меняем жизнь женщин, напоминая, что жизнь на воле, какая бы она ни была, все же лучше жизни за решеткой (какая бы она ни была!). Здесь я хотел написать «хочется верить...» - но зачеркнул, потому что лучше так - «мы точно знаем», что наши наставнические встречи исправляют судьбы в сто раз лучше, чем прочие официальные «воспитательные мероприятия по плану работы».

13 мая, 2023

Вчера поздно вечером я вернулся из тюрьмы. Если у вас округлились глаза, мне приятно, но не пугайтесь.

Это была деловая поездка. Посвященная делу, в котором я давно помогаю Наставническому центру Александра Гезалова. И в тюрьму мы уже ездим давно.

Здесь нужно немного отвлечься на языковые экзерсисы (вы же знаете, теперь они в моде) для понимания ситуации. Так вот: не «тюрьма», а «исправительное учреждение», не «надзиратели», а «сотрудники», не «зеки/зечки», а «осужденные». Поверьте, это такая тонкая тема, здесь правильные слова эти нужны вовсе не для того, чтобы соблюсти какие-то нелепые административные нормы, а чтобы просто не обидеть людей. Дело в том, что мы – на воле – очень легко раздаем оценки, которые касаются пенитенциарной системы. Вроде того, что эти плохие, а те – хорошие. Но слова имеют значение, а люди, которые сидят или работают по ту сторону колючей проволоки – очень разные. Есть и жертвы, и агрессоры, и людоеды, и храбрые портняжки.

Наставнический центр давно опекает две женские колонии во Владимирской области. Дело это очень непростое и нелегкое. Сам Гезалов в этом году отметит 25-летие тюремного служения (почему он это делает четверть века, потом расскажу). И мы с командой девчонок-специалистов ездим в колонии уже давно. В этот раз было много поводов. Расскажу о них в нескольких главах. Дальше – много букв.

ГЛАВА 1. ЖЕНСКИЕ ШТУЧКИ

У Гезалова со всеми его закидонами, есть невероятный опыт работы с почти всеми на свете маргиналами. Например, он всячески воюет с благотворительными фондами, которые заваливают детдомовцев подарками по разным поводам. Детдомовцам, говорит он, нужны не смартфоны и кроссовки, а жизненный опыт. Потому что если, к примеру, айфон у детдомовского пацана появится раньше, чем мозги, то пацан это непременно сядет за решетку надолго. Про тюрьму у него тоже есть своя теория. Начнем с того, что словосочетание «помогать осужденным за решеткой» для большей части нашего общества – звучит вообще, как нелепица. Зачем помогать бандитам, вора, убийцам и наркоторговцам? Но оказалось, что помощь за

решеткой нужна очень. После того, как Гезалов прорубил окно в систему, стало понятно, что помощь осужденным нужна не только правовая. Еще и обычная житейская тоже нужна.

У нас давно сложилась маленькая команда такой помощи. Юристов и правозащитников в ней нет. Зато есть специалисты по маникюру и педикюру, массажисты и косметологи, парикмахеры и артисты. В основном, это тоже женщины. Постоянных мужиков всего двое – бородатые и неуклюжие – Гезалов и я. Он ведет машину, я снимаю. Наши девчонки делают все остальное.

В женской колонии женщинам просто необходимо вспомнить, что они женщины. Сказать по-честному, нам это не понять. Ну на фига ей, осужденной на 7-10-15 лет, живущей по схеме «отряд – столовка – швейная фабрика – политинформация по телевизору» - нужен, к примеру, маникюр или кудри? Оказывается, нужен. И такая простая вещь, как нарисованная бровь – прибавляет веру в лучшее процентов на сто.

В этот раз мы снова привезли наших девчонок. Я втайне восхищен их работой. Каждая из них высококлассный специалист и звезда своей профессиональной тусовки в Москве. Оля краем глаза посмотрит и выдаст вам всю картину вашей кожи и ногтей (а значит и, в целом, здоровья), Инна одним взмахом руки делает из вас красотку Джулию Робертс в молодые годы, Наташе стоит взять в руки ножницы – она мгновенно поправит вам прическу, Света – нажмет на нужную точку и «прощай, остеохондроз». И вот эти волшебницы совершенно бесплатно, в свое время, ездят в женские колонии, чтобы осчастливить тех, кто о счастье давно забыл (ну, или забыл, как минимум лет на семь-восемь).

Интересно наблюдать, как осужденные женщины мгновенно встают в очередь к нашим девчонкам. За решеткой очень ценится внимание, которое им уделяют. Наши волонтеры делают это абсолютно искренне и профессионально.

А чтобы никто не скучал, ожидая своей очереди на маникюр, мы привозим артистов. Это отдельная часть наших трипов. Артист в колонии должен уметь чувствовать атмосферу, расположить зрителей к себе. Все же режимное учреждение, и не всегда зрители идут в зал по доброй воле, бывает, что и по команде начальника. А наша задача – дать людям в зале тепло и радость. Юля, Эльдус, Максим – и все другие артисты, которые побывали с нами, с этой задачей справляются. Женщины в белых платках и одинаковых робах – зрители искушенные. Даром, что за решеткой, артистов-то они повидали разных. Тюремное начальство на самодеятельность не скупится. Надо же как-то заполнять планы по воспитательной работе. Но одно дело – артист из филармонии по разнарядке, а другое – наши, с желанием сделать что-то хорошее и с душевными песнями.

ГЛАВА 2. ДОМ РЕБЕНКА.

Для многих это открытие – в женской колонии есть Дом ребенка. Это особая «зона в зоне». Свой КПП, свой режим, свои сотрудники и пускают туда только своих – мамашек, которые отбывают наказание в исправительной колонии и заслужили право находиться рядом со своими малышами. Надо честно сказать, что мамочки там не все правильные. Некоторым вообще по барабану, что там происходит с их ребенком. Сотрудники иногда чуть ли не силой заставляют их побыть с детьми. Были случаи, когда мамашки всеми способами старались оттуда сбежать, по простой причине - «там курить нельзя».

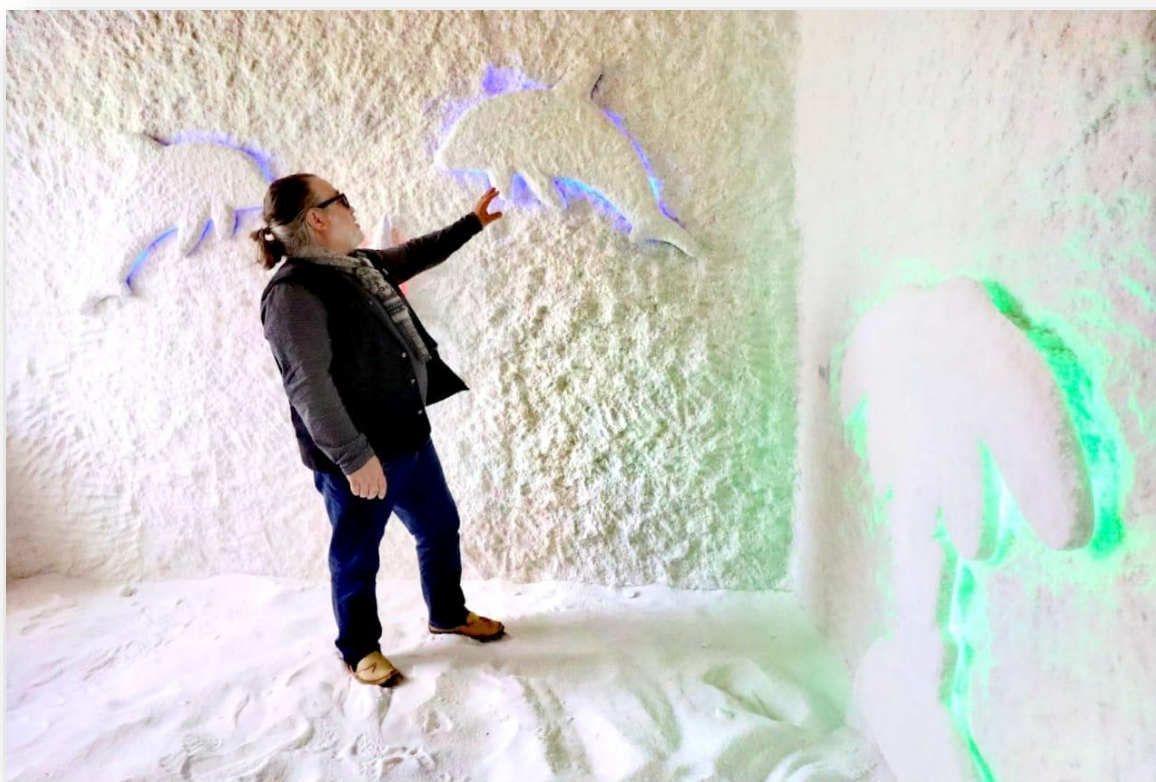
Но есть и такие, которые ценят время, проведенное с малышом, и искренне раскаиваются, что так получилось, что первые годы жизни их ребенок проводит за колючей проволокой. Ребенок может находиться в

тюремном Доме ребенка до трех лет. Потом его переводят в детский дом (Ну или как там по-модному это нынче называется? Видите, опять языковые фокусы – теперь это «центры содействия семейному воспитанию» или что-то вроде того).

Вообще-то, все эти детско-родительские заморочки в задачи «учреждения» не входят. Но дети-то есть. И молодые мамочки есть. Что-то надо с ними делать. Но раз нет формальных задач, то и нет нормального бюджета. Кто поможет?

В том Доме ребенка, о котором пишу я, помощь пришла вовремя. Это Гезалов и его команда. Постепенно договаривались о регламенте, выстраивали отношения с тюремным начальством, привозили игрушки, детскую мебель, книжки. Помню, еще в прошлом году (или в позапрошлом?) Саня Гезалов говорит мне: «А что, если мы в Доме ребенка сделаем соляную пещеру. Это ж полезно детям для здоровья?». Посчитали, сколько это стоит и прослезилась. Казалось, что Центру ни за что эти деньги не найти. Бросили клич, собирали пожертвования на сайте. Надеялись, что все получится. И – вот получилось! Это вам кажется, что ничего особенно – соляная пещера. А для Наставнического Центра – это большая победа. Это большой путь – согласования, подбор подрядчика, поиск денег, работа с руководством по регламентам, доставка, монтаж и еще миллион операций. Но теперь «пещера» готова. Мы привезли в этот раз шезлонги для малышни, будут сидеть в них, слушать шум моря, смотреть на дельфинчиков на стенах и вдыхать морской воздух за тысячу километров от моря! Круто же! Вы трехлетний малыш, ваша мамка сидит срок за наркотики в ста метрах от вас, а с вами тут тютюшкаются и вы дышите морем!

1 июня будет торжественное открытие этой соляной пещеры. Приедут, как водится, разные важные люди с журналистами. Хорошо бы, кто-то из них привез подарки для малышей и доброе слово для Наставнического центра Гезалова.

Кстати, там же в Доме ребенка мы оборудовали и «зал мульт-терапии». Название, конечно, громкое, но и польза большая. Дети будут смотреть мультфильмы на большом экране в обнимку с плюшевыми мишками. Каждому бы так в его зарешетчатом детстве!

ГЛАВА 3. ДАМСКАЯ КОМНАТА

Это деликатная тема. У нас даже про школьные туалеты на воле говорят робко и стыдливо. Про тюремные туалеты вообще никогда не говорят, как будто их нет. А они есть. Когда я впервые зашел в женский туалет в колонии, слов не было. Не смейтесь, надо ж было куда-то зайти после многочасовой дороги, а в женской тюрьме – мужских нет. Дальше можно было бы пошутить про унитазы на троих, и прочую хмарь. Запах и цвет всего окружающего был, сами понимаете, не из тех, о которых говорят в приличных выражениях. В общем, Гезалов там тоже был. А потом решил, что хорошо бы женщинам иметь туалет приличный. За решеткой и так хватает унижений. От этого, очевидного, надо избавиться. И опять – долгая процедура согласований. В режимное учреждение нельзя привезти бригаду ремонтников, но можно привезти стройматериалы. Колонии приходится все делать своими силами. Мы еще зимой начали возить краску, цемент, умывальники и кучу всего в колонию. Но сначала нужно было договориться о сдаче-приемке, потом в колонии случилась своя ремонтная проблема и мастеров перебросили туда, потом еще что-то мешало. И – из чудовищного коричневого карцера с запахами тухлятины и кривыми раковинами, вот это вот превращается в чистую розовую дамскую комнату. Да-да, мы знаем, что вы сейчас подумали. Про перегородки думаем и мы. Но – не всё сразу. Система не работает так, как вы думаете.

ГЛАВА 4. ПЛАНОВ ГРОМАДЬЁ.

Бывает не просто. Очень. Мы все понимаем, что пенитенциарная система нашей страны – это большой организм. В нем слишком много всего. У человека тоже так бывает: голову вылечил - нога заболела, ногу починил – кишка завернулась. В исправительной системе примерно так же. Она многосложна, запутанно-элементна и динамически противоречива. Но делать-то что-то надо. Там тоже разные люди. Подчас сотрудники пугаются помощи общественных организаций, говорят «мы и сами это можем», «у нас и свои психологи есть», «мы лучше знаем, что осужденным нужно». Но потом оказывается, что и не получается, и нет, и не знают. Потому что со стороны виднее, да и для осужденных специалисты с воли всегда будут желаннее, чем сотрудники в погонах. Просто потому что так устроена человеческая психология, «большое видится на расстоянии», душу изливают случайным попутчикам в купе.

У Наставнического центра много планов для работы в женских колониях. Открываем соляную пещеру, создаем женскую футбольную команду, собираем киноклуб, ищем арфу для осужденной арфистки, ремонтируем храм, летим в космос. Хотя последнее, кажется, не в разделе «Тюремное служение», но кто знает. Был у нас первый космонавт, первая актриса, может, когда-нибудь запустим вокруг Земли и первую осужденную женщину – исключительно для привлечения внимания к жизни в женских колониях.

ЭПИЛОГ

Мы возвращаемся в Москву и думаем о планах. По ходу дела рассуждаем, как вообще так получается, что женские колонии не исчезают с лица земли. Знаю, вопрос философский. Зло множится, и должно наказываться. Или как минимум исправляться. В тюрьмах сидят разные люди. Далеко не все из них опасные антиобщественные элементы. Есть и куча судебных ошибок, и ошибок человеческих. Например, в женских колониях, самая популярная статья – 228. Это наркотики и всяческие манипуляции с ними. Но большинство сидящих по ней женщин пошли к наркотикам вовсе не за кайфом, а за деньгами. В целом, совсем не богатая у нас страна, что бы ни говорили в телевизоре, поэтому и увеличивается число людей (и особенно, женщин), которые на этом попадают. Из бедности согласилась на закладку и вот уже десять лет за решеткой. Сроки большие. Ломают и хрустят судьбы, а подчас и жизни.

Для многих с тюрьмы начинается замкнутый круг. Попала, отсидела, вышла – работы нет, денег опять нет, близкие отвернулись – куда деться? Не у всех есть силы этот круг разорвать.

Мы помогаем, это сделать. Как можем. Помогайте и вы.

14 августа, 2023

У хорошего поэта Джона Донна, который жил в 17-веке, есть знаменитое стихотворение. Оно в сборнике духовных раздумий тоже выведено под номером семнадцать. По крайней мере всем известна последняя строчка этого стихотворения – про колокол. А вот в нашу последнюю поездку с командой тюремной миссии Гезалов-центра у меня в голове постоянно крутились первые строки: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если Волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа...».

Мы опять побывали в двух женских тюрьмах. Язык не поворачивается называть их безликим словом «учреждения», которое так любит наша бюрократическая система. Тюрьма – она и в Африке тюрьма. КПП с железными дверями, решетки на окнах, колючая проволока по периметру, таблички «Стоять! Запретная зона», скрежет, лязг и скрип железа, крашенные стены, досмотр и запах казенщины, который всегда преследует тебя в таких местах. Всё – без сюрпризов. Но только глаза женщин в тюремной униформе (летний клетчатый халат и белый платок) – все время подсказывают тебе, что жизнь еще есть, теплится надежда на волю.

Мы этот кусочек воли привезли осужденным. У нас совершенно героические девушки в команде: Оля – волшебница маникюра, Света – фея массажа, Инна – чародейка волос, а другая Оля – повелительница бровей. Здесь на воле, к каждой из них запись на недели вперед (женщины знают, каково это найти своего мастера!), но один раз в месяц, наши девушки забывают, про заказы, запись и клиенток в очереди – они уезжают с нами в десант по женским исправительным колониям.

Осужденные женщины ждут наших девчонок целый месяц. Мы только прошли КПП – нам уже улыбаются со всех сторон: «Здравствуйте! Мы вас ждали! Хорошо, что приехали!». Осужденные женщины робко и с надеждой смотрят на своих дневальных, на сотрудниц, которые ими командуют – разрешат им сегодня пойти на маникюр или нет? Мы прекрасно понимаем, что весь наш десант – это капля радости в этом соленом море. Здесь свои порядки, свои законы и свой регламент отношений. Вмешиваться мы не можем. Но в этот раз мы приехали в субботу, большинство осужденных женщин на выходном, работы на производстве в этот день нет. Клуб набивается под завязку. Назначаем ответственных, чтобы составить список всех желающих. «Я на ногти! А меня запишите к парикмахеру! Ой, а кто последний на брови! А можно мне на массаж, спина очень болит...». Пять минут, список готов, все рассаживаются по местам и ждут своей очереди.

Наши девчонки работают, Саня Гезалов следит за тем, чтобы все шло по порядку (бывало всякое, однажды зечки чуть не подрались из-за очереди!), я смотрю на женщин в видеискатель камеры. «Господи, - думаю я, - ну вот ты такая красotka! Что ж ты здесь делаешь? А вы, бабуля, вторая ходка, елки-палки, сидела бы на даче внуков нянчила!». Большинство женщин по печальной статье 228 – наркотики и всяческие манипуляции с ними. «Люба, тебе сколько осталось? – Еще три с половиной, уже пять отсидела». В ее глазах

в этот момент тишина. «Но я надеюсь выйти раньше!» - быстро говорит она и смотрит так, будто я могу как-то повлиять на ее срок. Не могу. Я знаю, что едва ли не половина из здесь сидящих «наркотических» женщин сидят по глупости – потому что прикрывали своих мужиков. Либо помогли сделать закладку, либо взяли вину на себя из-за дурацкой любви. Любовь, как известно, часто подкидывает козлов, поговорка не врет. Но суд по этим статьям у нас суров, а в детали разве кто-то захочет вникать при таком потоке уголовных дел?

В этот приезд в двух колониях наши девочки смогли помочь чуть ли не сотне женщин, может, чуть меньше. Это тяжелая работа. Оля не только ногти поправляет, это еще и серьезная консультация по рукам – для осужденных здесь, руки - это важный инструмент. Света тоже спринтер – попробуй сделать массаж за такое короткое время – но у нее получается, осужденные довольны. Здесь есть и возрастные люди, спины, колени, суставы – всё болит. Инна и Оля – просто делают девушек в робах красивыми, для них это тоже важно. «Ой, а можно мне челку поправить, а то мне скоро освободиться!» – просит красотка клетчатом халате и снимает платок, под которым шикарная рыжая шевелюра. Саня, вспоминая о нашем проекте реабилитации осужденных, сразу спрашивает: «Когда? Давай к нам в проект!». «В апреле!» - гордо говорит рыжая красотка. Мы улыбаемся. Для нас апрель – это «еще дожить надо», для них после нескольких лет заключения – «очень скоро».

«Пожалуйста, приезжайте почаще, - говорят нам на прощание. – Вы нам очень нужны. Спасибо, что не бросаете!».

Я каждый раз думаю, ну, вот вы такие красотки, ну можете же быть людьми. Ну на хрена, вы попали сюда? Ну зачем? И понимаю, что ответа нет.

Жизнь несовершенна. Кто-то освободится и забудет этот режим как страшный сон. А кто-то вернется, сделав еще один какой-нибудь необдуманный поступок.

Так вот – про Джона Донна. Смотришь на них и вспоминаешь, что нет человека, чтобы он был, как остров. Мы все связаны. У поэта было так: «...и если Волной снесёт в море береговой Утес, меньше станет Европа, и также, если смоем край Мыса или разрушит Замок твой или Друга твоего; смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе». Хорошие поэты редко ошибаются. Мы все - одно целое.

Вы можете помочь проекту, любая помощь важна. Сегодня вы, а завтра вам. Вот правильная ссылка - <https://nastavnik-gezalov.ru/kak-nam-pomoch>

28 февраля, 2024

Сегодня мы снимали кино в корпорации из первой десятки российского бизнеса в 2024 году, крупнейшего налогоплательщика легкой промышленности в России, с крутой программой социальной поддержки для людей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Хочется верить, что через 10 лет всё так и будет. А пока это швейная мастерская в подвале жилого дома в Перово, четыре швейных машинки и семь девушек,

вернувшихся из мест лишения свободы. Да, и еще это невероятный оптимизм, вера в себя и в поддержку друг друга.

Теперь сделайте паузу и подумайте еще раз. Каждая из этих девушек отсидела срок в тюрьме. Понятно, что у каждой из них своя непростая жизненная история (про каждую можно снять отдельный захватывающий фильм!), у кого-то несколько ходок в тюрьму, у кого-то онкология и вера в чудо, у кого-то за плечами наркотики, а у кого-то убийство. Но это всё – за плечами! Никто не хочет повторения. Никто из них не хочет возвращаться за решетку. Поэтому и работают.

Скажем честно, у тех, кто вернулся оттуда (разумеется, попав по глупости), в нашей стабильно-прекрасной реальности очень мало шансов вернуться к нормальной жизни, даже при искреннем раскаянии и честном исправлении. После зоны – на работу устроиться почти невозможно, если повезет – забудь о прошлом образовании и прочих заслугах, возьмут на самую низкооплачиваемую и дурацкую. На выходе из-за колючки придется налаживать отношения с семьей, бывшими друзьями – а это непросто. Приходится искать тех, кто тебя понимает, со «своими» всегда проще. Но не всегда лучше. И вот – опять за старое – и снова в тюрьму.

Девушки из швейки, где мы снимали кино, по-честному решили со старыми делами завязать. Поэтому и собрались вместе – вместе легче. Сначала было непросто, но сейчас чуть легче. Появились заказы и заказчики – делают-то они на совесть. За несколько лет на зоне такому мастерству научились – не всегда на воле так научишься. За качество отвечают – потому что не хотят кривотолков. Теперь их товары разлетаются на маркетплейсах. А в планах – вообще невероятное – создать свою линейку одежды для детей и взрослых, раскрутить свой бренд и ... - дальше цели только космические.

Команда наставнического центра А. Гезалова давно шефствует над женскими колониями во Владимирской области, а теперь и над проектами бывших осужденных на воле. Сегодня привезли девушкам «на производство» множество необходимых вещей – от холодильника до чайного сервиза. Одним швейным машинкам рад не будешь, хочется, чтобы у девушек эта работа была праздником каждый день, им же через десять лет возглавлять топ легкой промышленности!

Будем помогать. Всё не зря.

16 марта, 2024

Я часто снимаю видео для благотворительной организации, Наставнического центра А. Гезалова. Как-то раз, увидев видео из тюрьмы (а там мы бываем регулярно), знакомый режиссер, подсмеиваясь атаковал: «У вас там кадр темный. Вы что, не могли пару фонарей поставить? У вас бюджет-то какой! Вы вообще для какого-то канала снимаете или просто для ютубчика?».

Эх, дружище, подумал я рассказал бы тебе за рюмкой чая, как всё это снимается. Но поскольку пить с ним я все равно не буду, то отвечу здесь. Назовем этого режиссера для удобства простым именем Ваня.

Так, вот. Дорогой Ваня, понятно же, что ты никогда не был в тюрьме (к счастью или к сожалению – тебе решать), может, тогда бы ты понял, что не все кино делается за бюджеты и с оттяжкой. Каждый раз проходя досмотр, ты слышишь лязг дверей, одна скрипучая решетка, вторая – «покажите, что это у вас» – «где разрешение» – «кто подписал» – «покажите камеру» – «откройте чехол» – «положите на стол». Чувак, какие два фонаря?! Ты хоть знаешь, что все приходится снимать на коленке? Никаких тебе фонарей, дублей и «давайте сменим точку». Здесь тюрьма! Майор заглядывает в видеоискатель и шипит в ухо – «это снимать нельзя». Попробуй случайно поверни камеру в сторону колючки, входной группы или вышки – останешься здесь же на нарах.

По поводу бюджета тоже расскажу. Ведь мы же с тобой знаем, сколько стоит съемка фильма, даже самого малобюджетного. Так вот, бюджет у нас даже не нулевой. Он в глубоком минусе. Я на свои деньги покупаю фильтры, объективы, софт, флэшки и всё остальное. Недавно пришлось починить компьютер – он не выдержал нагрузок – так я свои же деньги и отдал – хренову тучу. Он и сейчас дымится (это не шутка!). Это такое особое кино, в котором слово «бюджет» не существует. Нет у меня никакого бюджета. Также нет никаких девочек-помощников (девочки-хлопушки тоже нет), нет оператора, фокус-пулера, плейбейкера, гафера, да! Вообще нет никакой съемочной группы. Продюсера с деньгами тоже, к сожалению, нет. Саня Гезалов – это железный пропуск в зону, на этом его продюсерские кинопроизводственные функции заканчиваются.

Для кого мы делаем это кино? Понятно, что ни один телеканал не возьмет тему женской тюрьмы. Тема мест лишения свободы, как известно, сейчас звучит совсем по другому поводу. Да, снимаем для «ютубчика» и сетей Наставнического центра. Для того, чтобы люди вообще захотели смотреть фильмы про помощь женщинам в колонии – нужен особый душевный склад, другой взгляд на окружающее, но сейчас люди заняты другими проблемами. Смотрят те, кому это интересно. Кто может включиться и помогать. Ну, еще Саня Гезалов показывает эти видео на симпозиумах общественников в УФСИН и тамошним людям в погонах. Но я точно снимаю не для них. Ваня, будь уверен, эти фсиновские погоны вообще не знают о моем существовании.

Да, это очень странный жанр и странный подход. В тюрьме нам не позволено ничего, по сути, только фиксирование момента. Здесь не скажешь никому «улыбнитесь» или «повернитесь немного». Здесь ты просто наблюдатель. Включай камеру и успевай ловить реакции. Вот недавно снимали

кино про девчонок, которые отмотали срок и помотавшись по воле в поисках работы (никто не берет осужденных) создали сами свое швейное предприятие. Они на воле тоже такие, с реакцией на незнакомых «проходи мимо, дядя». Из всего постановочного там было единственное «девчонки, можно радио на десять минут выключить?».

Как видишь, друг, всё делается из воздуха. Ничего нет. Кроме глубины глаз и желания жить. Это большая удача, что они с нами вообще разговаривают и доверяют. Понятно, что никто не будет пускать тебя в душу. Но все-таки. Понемногу - получается. Там в фильме многое зрителю нужно додумать, есть вещи скрытые. У одной героини двойной срок за убийство, отбивалась от насильников, а теперь выживает после сложнейшей операции, у другой четыре судимости за наркотики – и вот теперь наконец-то захотелось жить, у другой мама-инвалид и племянник с непростой судьбой – непонятно, то ли самой на ноги вставать после наркоты и тюрьмы, то ли пацана поднимать. Проблем у всех миллион. Вовсе не обязательно о них рассказывать в лоб, чтобы начать понимать человека. Но эти девчонки стоят тысячи всех этих говорящих голов из ящика (в котором нас не показывают!). Я бы этих девчонок возил в школы для бесед с детьми, вот бы они со своим горьким опытом лихо вправили мозги малолетним хипстерам и всем этим «пацанам».

Пожалуй, это единственный результат наших тюремных фильмов. Просто показать, что это нормальные люди, со сломанной судьбой, но вовсе не потерянные. Когда часами отсматриваешь снятый материал, а потом несколько дней монтируешь, придумывая как бы всё это доходчиво склеить, начинаешь еще больше понимать, что безвыходных ситуаций не бывает. Кто бы мог подумать, что девушки из зоны могут вдохновлять. А вот ведь.

Кстати, Ваня, еще один важный твой «бюджетный» вопрос – гонораров у меня тоже нет. Вообще никаких. Разве что «спасибо большое», и то не всегда (здесь я уже слышу, как с грохотом падают твои планки самооценки).

Вот такая ситуация, бро. Ссылку на кино про «швейку» оставлю в первом комментарии. Смотри с кривой улыбкой. И вы смотрите, друзья. И как говорил святой Джон «в первых рядах – трясите бриллиантами, а на галерке – хлопайте в ладоши». А я пойду тушить компьютер, второго ремонта мы с ним не выдержим.)

30 апреля, 2024

Сейчас я напишу маленький опус, который всем просто необходимо прочитать. Настройтесь.

ВВЕДЕНИЕ

Каждый месяц мы с друзьями попадаем в тюрьму. Это звучит почти как фраза из какого-нибудь дурацкого монолога модных стендап-комиков. Но на самом деле – у нас все серьезно.

Для тех, кто не знает, у общественного Гезаловского Центра, который официально называется **АНО "Наставнический Центр Александра Гезалова"**, есть специальная программа «Тюремное служение». Участники программы шефствуют (слово из какой-то прошлой жизни, но это действительно так) над осужденными женщинами двух Владимирских колоний. Каждый месяц в колонии приезжают артисты с концертами и десант из специалистов, которые помогают женщинам в женских премудростях (парикмахер, подолог, специалист по маникюру, массажист, гинеколог и прочие). Со всей этой мощной командой едем и мы с Саней, кажется, что для женщин самые бесполезные люди. Он всех везет, я снимаю кино. Отличная команда.

Часть 1.

Пять утра. Воскресенье. Все люди еще спят. Рассвет уже полощется. Самый сладкий сон. Но я вспоминаю цитату из апостольского послания «Помните узниковъ, какъ бы и вы съ ними были во узахъ», и кажется, именно это заставляет собраться. Дорога дальняя, хотя уже и привычная.

Каждый приезд в колонии – это как путешествие на другую планету. В этот, апрельский, выезд нас немного. Но Саня ухитрился забить машину всякими полезностями для женщин: косметические маски, гигиенические прокладки, витамины, радиоприемники для отрядов в колониях и как вишенка на торте – холодильник (!). Где он все это берет – для меня большая загадка. Но его помощь в колониях очень нужна. У него вообще в голове какой-то генератор по выработке идей для усовершенствования жизни в тюрьме: «надо отремонтировать туалет для женщин – пусть им будет удобно», «надо поставить радио в бараках – пусть слушают музыку», «надо отремонтировать спортзал», «надо купить им нормальный микрофон», «надо найти для них врача-гинеколога поквалифицированнее», «надо устроить газон в детском доме» - и еще миллион идей, о которых сами сотрудники колоний подумать не успевают. Именно поэтому его старенькая «Тойота» постоянно забита коробками, мешками, холодильниками, футбольными воротами, трубами, кранами, краской, штукатуркой, контейнерами и упаковками.

На этот раз с нами рок-звезда Юлия Теуникова и супер-парикмахер Инна Тарасова. Вы бы знали, как выкладывается Юля. Я такой драйв в московских клубах не часто вижу. Просто представьте: актовый зал в абсолютно совковом стиле с лозунгами, портретами и почетными грамотами на стенах. Две сотни женщин в одинаковых халатах, робах и белых платочках. В глазах – усталость, апатия, страх, куча проблем и много чего еще. В тюрьме радости мало. И тут – Юля с гитарой – пара аккордов, лихой цыганский клич и через несколько минут эти белые платочки рыдают от счастья, а некоторые рвутся в пляс прямо в этом актовом зале с лозунгами на стенах. Сотрудники в форме, наблюдающие весь этот карнавал, тоже подпевают. Все счастливы.

А потом все рвутся за прическами к Инне. Это отдельная радость. Женщинам даже за решеткой хочется быть красивыми, это добавляет уверенности, что не всё так мрачно. Инна для них – луч света. Как она успевает за время нашего короткого пребывания в зоне обрадовать столько женщин – непонятно. «Ой, а можно мне только чёлку вот здесь поправить?», «Мне вот здесь и вот здесь укоротить!», «Мне, пожалуйста, карэ, получится?». Инна смущается: «Конечно, получится!». Особые просьбы у тех, кто готовится к свиданию или освобождается: «Я в следующем месяце выхожу, буду краси-и-и-вая!», мечтательно закрывает глаза тюремная роба, пока Инна колдует над ее головой.

Часть 2.

Мы приносим смех и радость. Как в песне. Но у каждой женщины здесь своя боль. Я смотрю на них в видеоискатель камеры и вижу, что болит у каждой. Это видно по глазам. Однажды на концерте Юля запела песню, что-то там про детей. Все улыбаются и хлопают в ладоши. И вдруг я замечаю, что одна белая косынка отвернулась в сторону и плачет навзрыд. Что-то в душе у нее отозвалось.

Саня придумал отличную штуку – теперь все желающие могут написать ему обращение. Раздал бланки – надо оставить свои данные и описать проблему. И понеслось – открылись такие истории, что в романах не описать. «Прошу помочь в общении с ребенком», «Прошу установить отцовство», «Прошу помочь с лекарствами», «Прошу посодействовать в условно-досрочном освобождении»... Гезалов ведет прием убедительно. Хотя с ходу понимает – этой поможем, а этой – нет. Это обращение отправим в нужные ведомства, там помогут. А это – полное вранье. Это реальная помощь в решении проблем, которые у каждой женщины остались на воле. Дети, мужья, престарелые родители – это как раз и есть настоящая боль. Из-за решетки многие проблемы решить трудно, а подчас и невозможно. Мы попробуем. По крайней мере – официальное обращение на бумаге гораздо сильнее устного «помогите».

Часть 3.

Одна молодая девушка вместо официального обращения написала «Благодарю Александра Самедовича Гезалова за помощь в приобретении лекарства...». Ей было очень нужно, но при ее зарплате на тюремной швейке, она бы не купила его никогда. А Гезалов (опять каким-то чудом!) добыл дорожное лекарство. Теперь барышня выдохнет, ведь сидеть ей еще десять лет (я специально спросил). Сидят, в основном, по наркотическим статьям – дело вроде бы плёвое: закладку положила, сверток передала, мужика любимого от оперов спасла, а сроки большие.

*Те, кто думает, что на зоне – люди второго сорта – ошибаются.
На Руси двадцать первого века особенно актуальна поговорка про
то, что зарекаться от сумы и тюрьмы не следует. Есть тут и
отпетые рецидивисты, есть кто попал по глупости.
Все люди разные.*

Недавно мы привозили в тюрьму арфу – одна из осужденных когда-то окончила консерваторию, и радости ее не было предела. В этот раз привезли аккордеон. Надо было видеть, как улыбались все эти казенные роботы: «Наша Маруся! Давай, подруга! Жги!». И подруга жгла – я сам начал пританцовывать под ее импровизации и подпевал «Вальс-бостон». «Эх, думал я, вам бы, Маруся, сейчас в городском парке играть, на эстраде!». Но реальность – совсем другая: третья ходка за воровство. Гений и злодейство вполне совместны в новой реальности.

Часть 4.

Есть люди, которые считают, что в тюрьмах сидят только злобные гады. Ведь мы из кино знаем, что «советский суд – самый гуманный в мире». Настоящая жизнь – не кино.

По ошибке или по везению – все равно о том, что в жизни нужно что-то менять, за решеткой задумывается каждый. Ограничение свободы, пожалуй, самый большой удар по человеку. Но каждый заслуживает шанса на исправление ошибок, на внимание и на понимание. Каждый раз, приезжая в женские колонии мы убеждаем в этом осужденных женщин. Нам не раз говорили, что с приездом гезаловской команды становится легче жить. Пожалуй, это и есть главная цель нашей миссии – облегчить страдания, подарить внимание и сделать жизнь немного легче. Легче насколько возможно.

20 мая, 2024

Сегодня в Центре "Благосфера" на Абрамкинских чтениях прошла премьера нашего фильма "Новая строчка жизни".

"Абрамкинские чтения" это ежегодный форум правозащитников и общественных деятелей. Сегодняшний назывался "Человек в неволе". В этом году он проводился, следуя нынешней моде, и в аудитории, и с трансляцией в Сети. Для защиты людей в неволе событие это хоть и малозаметное, но очень важное. "Малозаметное" - потому что в телевизоре о таких проблемах не рассказывают, а они есть. Их много. Как много и приличных умных людей в стране, которые помогают решать проблемы людей, попавших в неволю. И виновных, и невинных.

Наш фильм понравился, было много хороших слов сказано. Мы продолжим.

20 мая, 2024

Вы слышали, как поют воры, насильники, убийцы, наркодилеры? Мне довелось. Мы с **Александром Гезаловым** побывали на «Битве хоров» мужских колоний Владимирской области. В этом году фестиваль посвящался

великой Победе и предполагалось, что хоры осужденных будут петь военные песни. Но песни были разные.

Зрелище это, прямо скажем, впечатляющее. Смех сквозь слезы. Гоголь бы хохотал в голос, и Салтыкову-Щедрину бы понравилось. Ну, сами посудите – бандиты стоят и проникновенно, кто-то со страстью, кто-то с придыханием, рассказывают о любви к своей великой Родине. Но нельзя не заметить и двойного смысла в каждой строчке. Вот выходит на сцену отъявленный рецидивист и с раскатистым «р-р-р» декламирует:

«Я – русский! По самое горлышко.

Во веки веков. Насквозь.

Я – лебедя белого пёрышко.

Я – воина павшего кость...».

Невольно думаешь, вот именно этого и хотел тот воин, который пал на войне, чтоб ты в тюрьму попадал регулярно.

Или невозможно не улыбнуться, когда хор «особой зоны» слаженно выводит «Может к нам теперь знакомого солдата ветерок попутный занесет...». Немного страшно становится, когда каменные лица речитативом гудят «Много нас, нас миллионы, будет так, как захотим...». Понятно, что все мы знаем, о чем эти песни, поддерживаем и помним, но в контексте тюрьмы – мысли приходят разные. Лучше уж не надо так, как хотите вы. Лучше уж пусть люди по эту сторону решетки решают, как будет.

Там любая нота кажется фальшивой.

Вот солист пытается убедить жюри, что в груди у него бьется вечная память – и в этот момент хочется уже поговорить: «Братцы, если у вас такая гордость за страну невероятная, если память вам покоя не дает, и страна такая великая, что аж дух захватывает, что ж вы тут делаете? Почему третья, пятая, шестая ходка в тюрьму в вашей голове превратилась в норму. Это вовсе не делает Россию великой, и лучше уж скромно промолчать про то, что ты русский и твоя Россия – крепость». Чувствуется в этом какой-то невероятный постмодернизм, то ли откровенная насмешка, то ли троллинг всего этого величия. И за державу становится обидно.

Понятно, что репертуар патриотических песен у нас такой, что исполнять его нужно людям достойным, чтобы все это не выглядело пародией на патриотизм, но что поделаешь, в колониях есть план воспитательной работы.

Когда в одной из колоний хор грянул «Перемен требуют наши сердца», я почувствовал правду. Им действительно хочется перемен. Кто-то уже осознал, покался и честно хочет домой, а кто-то и нет. Представляю, как трудно сотрудникам всех этих исправительных учреждений ежедневно материализовать слово «исправление».

Истории у всех разные: вот этот вежливый конференсье – сидит за изнасилование, вот этот – между прочим, полковник из армии, вот этот «золотой голос» уже десятую (!) ходку тянет, всегда выходит по УДО и снова возвращается (ну чего ему на воле патриотично не живется?), вот этот

наркодилер вообще талантище – и кажется, он уже всё понял, покаялся и исправился, но есть ощущение, что «гражданин начальник» по УДО его отпускать не хочет – кто же на его месте будет так лихо петь и плясать? Он же теперь пример "примерного поведения" для всех остальных!

Как бы ни казалось это сюрреалистично, но все-таки именно песни про войну всех понимают. Это уже зашито в нашем коде. Вот тюремные воспитатели и стараются хоть чем-то взять этих молодцов. Возможно, кому-то поможет. Кто-то постыдится памяти деда, который убит на войне. Может, сработает. Никогда не узнаешь, как слово отзовется.

В этом тюремном конкурсе хоров все по-настоящему. Жюри спорит и переживает. Переживают и сами осужденные. Победа в «Битве» это один из показателей того самого исправления. Это еще один шаг к условно-досрочному освобождению.

Мы сняли о тюремной «Битве хоров» небольшой фильм, но, к сожалению, в широкий прокат он не выйдет – только для своих. Слишком уж всё здесь тонко – и всех глаз на замажешь, и подтексты в каждой строчке. И судьба – в каждом лице.

27 августа, 2024

В тюрьму меня затащил **Александр Гезалов**. Без всяких показаний и совершения каких бы то ни было противоправных действий. В исправительной колонии особого режима, за огромной стеной с колючей проволокой, за железными дверями, после основательного досмотра – мы снова приехали в колонию помогать в организации спартакиады для осужденных.

Чтобы там не говорили про российскую систему исполнения наказаний, цель содержания осужденных там, в общем, одна – исправление взгляда человека на жизнь. Исключительно для того, чтобы он понял, осознал, принял и больше никогда не повторял совершенных ошибок и никогда не возвращался в места лишения свободы. Это, конечно, - в идеале. С некоторыми именно так и получается.

А наша система общественного тюремного служения (или, если хотите, наставничества) работает в помощь официальным структурам. По-другому, все равно не получится. Как ни крути, но только в связке с государством гражданское общество и может улучшить жизнь, одно без другого не существует.

Спартакиада в колонии – это не просто часть системы исправления. Это вообще-то глоток свободы для осужденных. Потому что на целый день можно расслабиться, позабыть о долженствовании, статьях, сроках, дисциплинарных правилах – и просто гонять мяч с мужиками на поляне.

На спартакиаду приезжают команды всех колоний Владимирской области. И строгого режима, и особого – в этот день о режимах никто не вспоминает. Понятно, что для того, чтобы попасть в сборную своего учреждения, надо тоже постараться – это один из видов поощрения. Да и спортивные победы – это тоже еще одна ступенька у заветному условно-

досрочному освобождению. Уж об этом всегда приходится помнить. Саня Гезалов традиционно привозит от Наставнического центра и Общественного совета УФСИН по Владимирской области подарки: спортивный инвентарь, мячи, шахматы, шашки, ракетки для тенниса.

Спартакиада проводится традиционно – футбол, волейбол, бег, шахматы, теннис и перетягивание каната.

Привычный двор исправительной колонии. Шахматы – удел интеллектуалов, они скромно, в сторонке, корпят над досками. Теннисистов тоже немного. На волейбольной площадке после каждого удачного броска болельщики взрываются аплодисментами. Всеобщая любовь, конечно, футбол. Здесь страсти кипят как на олимпийских трибунах. Болеют за своих все- и осужденные, и сотрудники учреждений. По кромке поля смешались и тюремные роботы, и пятнистая форма сотрудников. Стадион гудит. Каждый гол сопровождается одинаково: смесь аплодисментов, криков «Макс – красавца!», «давай еще!» и легкого матерка в адрес вратаря, пропустившего гол («Куда ты, б**ть, вылез!» - «А где, б**ть, защита, куда все убежали?!»). Но и здесь мужики стараются держаться, во-первых, рядом сотрудники, как ни крути, они при исполнении, а во-вторых (и в самых страшных!) - матч судит Гезалов. Этот – чудовище. Весь матерный диалог прерывает на самом интересном месте, раскидываясь то желтыми, то красными карточками.

Формальное время тайма заканчивается: «Саня, говорю я, время вышло!», он улыбается: «Дадим им пару минут, пусть поиграют в удовольствие, это ж свобода!». Осужденные мужики в благодарность жмут руку, для них это и правда лишние минутки свободы, пусть и не на воле. «А можете, мне скинуть фотку, - просит меня один, - я через десять дней освобождаюсь, на память

возьму!». Мне не жалко, но все действия в зоне мы согласуем с руководством, таков порядок.

Апогей таких спартакиад – перетягивание каната. «Быки выходят!» – слышу я за спиной. Весь день под палящим солнцем ждали своего выхода могучие парни. Перед тем как судья даст команду – весь стадион замирает, чтобы потом на несколько секунд взорваться криками «И раз, и два! Дава-а-ай! Держииии!». Кажется, что пока «быки» на арене, воздух электризуется до крайней степени. Здоровенный канат трещит, готовый разорваться на две половины. Напряжение такое, что дрожит земля. И вдруг – в один момент

метка каната уходит за обозначенную границу и опять стадион делится на две половины.

Кто-то истоиво орет «Побеееда!», а кто-то машет рукой. Одни быки прыгают и обнимаются, другие молча уходят в сторону. В спорте так всегда – победа или поражение. Конечно, все хотят победы, но бывает по-разному.

После соревнований отпустить нас не хотят ни осужденные, ни сотрудники. «Ребят, давайте мы вас обедом накормим!». Мы с Саней соглашаемся, и через пару минут едим щи алюминиевыми тюремными ложками, вилки и ножи здесь не дают. Обед вполне сносный, но мы, конечно, шутим «попробуем тюремной баланды – скажи спасибо, что не в камере!».

Наше «тюремное служение» продолжается уже к вечеру, по дороге в Москву, заезжаем в исправительный центр во Владимире, здесь «досиживают» свой срок наши подопечные из женских колоний. Исправцентр – это еще не свобода, но все же облегченный режим, выход в город, работа на гражданке. Правда, тоже все передвижения по заявлению, но ощущение воли точно есть. Гезалов за них хлопотал, решили посмотреть, как женщины устроились. Оказалось, что одной нужна срочная медицинская консультация (попробуем помочь, приехали вовремя!).

Возвращаемся домой, и Саня все время спрашивает: «Ну, скажи же, что не зря съездили?». Это его любимое «все не зря». На самом деле так и есть. Мы проверяли это много раз.

5 января, 2025

Можно сказать, что это была обычная волонтерская поездка в женские исправительные колонии. Только нужно учитывать, что обычных поездок у нас не бывает. Необычна – каждая. Эта была феерической.

Представьте – большая машина полностью загружена коробками с подарками. Между коробок, которые и снизу, и сверху, и под сиденьями, и едва ли не на крыше – три отважных человека. **Александр Гезалов**, организатор и вдохновитель всех наших побед, **Юлия Теуникова**, бесспорная рок-звезда страны (я сейчас не шучу, она даже на последнем рок-фестивале в Уэмбли пела) и я, самый скромный на свете Карлсон, по прозвищу Профессор. На дворе черная московская ночь, кажется, что не рассветет никогда. Пока все еще спят, мы по морозцу едем в женские исправительные колонии. Дарить подарки осужденным женщинам.

(Немного отойдем от нашего повествования: недавно мы узнали, что одна уважаемая не очень бедная организация решила поучить духовности женщин за решеткой за деньги этих самых женщин. Мы посчитали и удивились. Осужденные женщины при своей мизерной зарплате на тюремной швейке должны будут отдать этой организации треть от своего почти невидимого дохода. Тридцать процентов за духовность! Это при том, что там, на зоне, дорог каждый рубль – купить лекарства, продукты и пару конфет для ребенка в тюремной лавке – не дешево. Вот мы и решили в нашу обычную волонтерскую программу добавить эту самую духовность совершенно бесплатно. Теперь вместе с консультациями специалистов по уходу, консультациями руководителя Наставнического центра, концертом наших артистов – мы будем проводить с женщинами лекции-беседы на разные образовательные темы).

Первую лекцию просветительского лектория я посвятил Рождеству. Рассказывал женщинам о библейской истории, о рождественской иконографии и о том, как Рождество Христово отразилось в мировой и русской литературе. Когда я перешел к Достоевскому – некоторые женщины смахивали слезы. Именно в этот момент я подумал: «И дух Рождества, и крестная сила, и волшебная сила искусства – вот они, прямо в тюремной зоне, светятся на этих лицах». Когда потом подходили женщины и говорили «спасибо вам большое за этот рассказ», я понял, что мы обязательно продолжим. Может, только для этого и были тонны прочитанных книг, учебы в разных университетах и отчаянная преподавательская работа в них же. «Хочу вас поблагодарить, не часто к нам в тюрьму приезжают люди, отягощенные интеллектом. Я врач, мне здесь очень непросто. Но вы меня спасли...» - сказала нам одна из осужденных. И это еще одно доказательство того, что продолжать нужно.

А после лекционно-духовной части началась настоящая мистерия. Саня где-то раздобыл набор перкуссионных инструментов (вы уже слышали, что нынче на «Щелкунчике» в Большом театре – это самая модная часть оркестра? Мы в тренде!). И вот когда запела невероятная Юлия Теуникова – началось шоу – в бой вступили все эти трещотки, колокольчики, бубенцы и ксилофоны! Барышни в робах так отчаянно отбивали ритмический рисунок Юлиных песен, что мне казалось я не иначе как на концерте хулиганской английской команды Stomp. Кажется, что вся эта зона, все эти зеленые роботы, решетки на окнах, колючая проволока на заборах и даже почетные грамоты на стенах пустились в пляс. Если кто-то и грустил в этот вечер, то только замерзшие голуби над нашей зоной. Хотя нет – плясали и они. Серые лица, грустные глаза, огрубевшие руки – всё куда-то девалось. Перед нами были прекрасные

женщины, которые смеялись, улыбались и светились. Казалось, что попали они в колонию исключительно по какому-то странному недоразумению. Тысячу раз сказали нам «спасибо!» и угостили шоколадками и пирогами из своих новогодних тюремных запасов. И мы были очень рады, что устроили женщинам такой новогодне-рождественский праздник. За решеткой такое бывает совсем нечасто. Очень нечасто. Мы посетили две женские колонии во Владимирской области, и в обеих всё это повторилось. Вот такие наши волонтерские выезды в колонию стоят тысячи исправительных бесед. Мы даем тепло простого человеческого общения, а это главное, что помогает и жить, и выживать в любых условиях.

После таких праздников разговоров и воспоминаний хватит надолго. А это верный путь к Рождественскому чуду.

30 января, 2025

Обещал написать о нашей недавней искрометной поездке в женские исправительные колонии. Не впервые уже ездим туда, но все равно, каждый раз новые впечатления. В этот раз, так получилось, с нами не смог поехать никто из музыкантов, пришлось нам с Саней отдуваться за всех. Зато с нами была Оля Кроткова, фея рук и лиц, кремов и лаков. Втроем, небольшой волонтерской бригадой мы и отправились из Москвы.

Был день 25 января, все студенты (и настоящие, и бывшие) готовились лихо отпраздновать это дело, любители Высоцкого настраивали гитары в честь дня рождения барда, а мы в пять утра стартовали из столицы.

*Странное дело – едем в тюрьму, туда, где горе на каждом шагу,
где колючая проволока, лязг железных дверей, постоянный
досмотр, ломаные и переломанные судьбы. Но нас там всегда
встречают как дорогих гостей. Пекут булки, пирожки, конфеты из
зачатки достают, чаем горячим с дороги угощают. Женщины очень
рады нашим приездам.*

В Ликино колония для рецидивисток. Там сидят те, кто уже не в первый раз попадает в места лишения свободы. Казалось бы, вот оно царство наркобарыг, убийц и воровок – но нет, в целом, прекрасные, хотя и грустные лица. Счастья хочется, но, пожалуй, его здесь никто не ждет. Только прощения и надежды хоть как-то исправить кривизну своего непростого жизненного пути. Особенно, когда они рассказывают о детях и родственниках на воле.

В Головино другое настроение – это колония «для первоходов». Каждая думает, что «больше ни за что», «теперь всё будет по-другому». Дай Бог, чтобы это сбылось. Мы-то понимаем, что бывает по-разному. Но даже те, кто поначалу смотрел исподлобья и с опаской, теперь поняли, что мы приезжаем с добром.

В прямом смысле.

Уже сосчитать трудно, сколько добра привез сюда Наставнический центр – стройматериалы, спортивный инвентарь, холодильники, чайники, книги, миллион нужных вещей для женщин. Их там несколько сотен, и у каждой «нужное» что-

то свое. У Сани Гезалова потрясающий талант доставать что-нибудь из ниоткуда. «Что в этом мешке?» - спрашиваю, разгружая его необыкновенную машину. Он достает из мешка огромные войлочные сапоги и с гордостью говорит: «Еле-еле нашел! 47-й размер!». Оказалось, что одной женщине (известный, кстати, в недавнем прошлом сетевой персонаж) понадобилась зимняя обувь большого размера, а в колонии просто нет такой обуви. Приходится бедолаге ходить в осенних ботинках. Но сейчас ведь зима! И по регламенту колонии в своей обуви ходить запрещено. Казалось, что ситуация неразрешимая. Саня откопал эти «прощай-молодость», теперь будет барышне тепло.

Наша новая история – помощь иностранным гражданам.

В колонии познакомились с барышнями, которые с острова Свободы приехали в Москву да не удержались, хотели подзаработать наркотическими закладками. Сроки за такие преступления у нас немалые, теперь им вместо спокойной учебы в университете Патриса Лумумбы приходится работать на швейке в колонии. Но проблема в том, что девчонки оказались в тюрьме в чужой стране. У них нет ничего. Ничего – от зубной пасты и гигиенических прокладок до носков и элементарной сумки, куда можно было бы свой скарб сложить. Мы решили девушкам помочь, с помощью подписчиков в социальных сетях (если это были вы, спасибо вам и от нас, и от карибских девушек). Привезли им свою «передачку с воли».

Оля, наша богиня косметологии, для женщин в колониях настоящая спасительница. Она из одного чемоданчика способна в любом месте достать целый косметологический кабинет. Кому-то подправит ногти, кому-то уберет шелушение на коже, кому-то нацепит косметическую маску («посидите пять минут, потом подойдете!»). Как она всё это делает одновременно – не понятно. Но женщины после ее сеансов светятся, если бы не зеленая роба, никто бы не догадался, что перед ним «осужденная такая-то, статья такая-то, срок такой-то». Просто красотки они все после Олиных рук.

Мы решили по полной программе развить наш проект просветительских лекций. Я с удовольствием рассказывал байки про любимого Чехова, тем более аудитория очень благодарная. После лекции в поселке Головино меня за рукав в библиотеку потащила одна барышня: «Вы знаете, очень хорошо вы про Чехова рассказали, как раз к нашему конкурсу! У нас только-только конкурс плакатов про Чехова прошел, давайте покажу!». И тут передо мной открывается целая коллекция самодельных мастерских плакатов. Был бы я всемогущ, в музее Чехова открыл бы выставку – «Антон Палыч из-за решетки». Я уже сто раз это говорил – в колонии очень разные люди сидят. Кто-то после моей лекции бежит в библиотеку за «Ионычем», потому что в школе всё прослушал, а с кем-то просто приятно побеседовать об особенностях модернизма в литературе XX века.

Разговариваешь с людьми и понимаешь всю несправедливость мира. Одна ошибка порой ломает жизнь. Такие ошибки делаем все мы. У кого-то прокатывает, у кого-то нет. Именно поэтому важная вещь в жизни сострадание и помощь друг другу, Чехов, кстати, об этом много говорил. Особенно после Сахалина, когда увидел вот эту тюремную, другую, жизнь.

Интересно, что на территории колонии висят плакаты с цитатами о сострадании разных великих людей. Здесь как-то лучше понимаешь, что это важно.

9 марта, 2025

8 марта мы поехали поздравлять любимых женщин: наркоторговцев, воров, убийц, коррупционеров и разбойников. Так мог бы начинаться захватывающий приключенческий роман, если бы это не было правдой. Но всё это правда, потому что 8 марта мы поехали в женскую тюрьму. Даже в две. Это исправительные женские колонии во Владимирской области, подшефные учреждения Наставнического центра Гезалова.

Пока Москва еще спала и только-только просыпались цветочные рынки, мы уже мчались по Владимирской трассе. Мы знали, что осужденные женщины в этот день нас очень ждут. Каждый приезд нашей волонтерской команды – это праздник, а в этот весенний день особенно.

Кто эти люди? **Оля Кроткова**, богиня всех на свете лечебно-косметических процедур, она из ниоткуда достает все эти баночки, тюбики, пузырьки и с помощью них и доброго слова лечит руки женщин в зоне за один сеанс. **Наташа Нетунаева** – богиня причесок и стрижек. Вы бы знали, сколько проблем с волосами у женщин на зоне – обриться наголо не вариант, но что-то же нужно делать с этими постоянно секущимися волосами, как-то же нужно сохранить эту шикарную рыжую косу, как-то же нужно даже в условиях зоны сделать модную прическу – ведь это поднимает настроение и, в конце концов, дает силы выжить в непростых условиях содержания! **Юра Грузинов** – вообще-то настоящий герой, прошел горячие точки, был ранен. Но теперь на

гражданке продолжает заниматься любимым делом – сочиняет и поёт песни. Стадионов ему не собрать, зарубят прямо на входе. Но он обладает какой-то невероятной тайной силой мгновенно растапливать женские сердца. Я сам это видел. Как?! Как у него так получается, что после первой песни в него все влюбляются, а после второй – немедленно хотят замуж? Волшебная сила искусства.

Гвоздем 8-мартовской программы стала все же **Оля Логачева**. Она настоящая фея. Потому что просто красотка, и еще потому, что притащила в тюрьму арфу, на которой играет, так, что все на свете нимфы ей подпевают. Вы только представьте Олину самоотверженность: она привезла огромную арфу из Москвы на своей маленькой машинке, а чтобы быть в полном порядке с утра на концерте, она всю ночь проспала на заправке в ожидании нашей бригады. Да еще и концертное платье привезла! И потом зэчкам устроила целую лекцию об арфе, кельтской традиции и истории музыки. Как только она начала играть – замерли в полете все голуби, которые кружили в этот час над зоной, женщины в тюремных робах обливались слезами и радовались одновременно. Магия просто.

Саня Гезалов Александр Гезалов в этот раз забил всю машину тюльпанами и прочими подарками для осужденных женщин. Я всякий раз удивляюсь, где он все это берет. Женщины принимают такую помощь с благодарностью. На зоне есть разные люди, у кого-то все в порядке с деньгами и регулярными передачами от родственников. А у кого-то вообще нет денег, буквально не на что купить даже этот проклятый роллтон и сделать горячую похлебку на ночь. Про предметы женской гигиены я уж не говорю – это тема жесткая, этих предметов всегда не хватает. Саня – достает из воздуха. Если вы

хоть на секунду сейчас прониклись – помогайте. Нам очень нужна ваша поддержка, чтобы всё это купить, доехать и передать тем, кто нуждается в помощи.

В этот я решил рассказать женщинам о Бунинских рассказах о любви. О чем же еще рассказывать в женский день? Конечно, я рассказал и о том, кто такой Иван Алексеевич Бунин (некоторые слышали это впервые, чему их только в школе учили?), как он жил и о чем писал. Когда я рассказал, что «Темные аллеи» обвиняли в порнографии и жесткой эротике – проснулись все (чем же еще зацепить женскую колонию!), но потом мы все же сошлись, что нет ничего в Буине от порнографии, есть только любовь, высокие чувства, противоречивая человеческая жизнь и память сердца.

В общем, поездка у нас получилась веселая и интересная.

Вы тоже можете стать частью нашей команды, нам нужны волонтеры - артисты, врачи, массажисты и прочие специалисты. Вы можете стать частью нашего тюремного наставничества просто, помогая с помощью банковского перевода – это очень большая помощь для нашего проекта. Помогайте нам помогать.

Про то, что в России предками завещано не отречься от двух вещей, писать не буду, и так все знают. Нужно просто помогать тем, кто в этом нуждается. Самой малостью – и этого тоже достаточно. Так победимъ.

12 апреля, 2025

Ранним утром дня космонавтики наша волонтерская группа отправилась бороздить просторы космоса Владимирской области. Наша неизведанная Вселенная, которую мы уже не первый год пытаемся постичь – это женские исправительные колонии.

Наш космический корабль – это автомобиль. Командир экипажа – **Александр Гезалов**. Я – за штурмана. Остальные члены экипажа – просто прекрасны: лучшие в мире мастера женской красоты **Ольга Любимова** и **Ольга Кроткова**, самый нужный женщинам врач **Мария Меншикова**, заслуженные артисты Вселенной: невероятная **Яна Иванилова** и повелительница фортепиано **Надя Котнова**.

Я уже бывал в таких волонтерских десантах раз сто и каждый раз удивляюсь энергии Сани Гезалова – как ему удается собрать столько нормальных людей вместе.

Нормальные – потому что хочется, чтобы помощь людям, бескорыстие и вот эта отвага встать в пять утра и поехать в женскую тюрьму, чтобы привезти в зону немного положительных эмоций, стали нормой. В этот раз мы привезли еще удобрения и семена – женщины в зеленых робах с грустными глазами будут выращивать в тюремных теплицах овощи и вспоминать вас, наших добрых подписчиков. Всех, кто помогает АНО "Наставнический Центр Александра Гезалова" по этой ссылке - <https://nastavnik-gezalov.ru/kak-nam-pomoch>

Яна Иванилова – оперная дива. Ей аплодировали Словакия, Америка, Канада, Австрия и куча других стран. Она работала с самыми известными дирижерами мира. И вот Яна стоит на сцене обшарпанного клуба в тюрьме. И – нисколько не снижая планки своего профессионального опыта, силой своего невероятного голоса – тащит упертых рецидивисток к высокому искусству. Я не могу шевелиться, когда она поет в двух метрах от меня. Вижу, как в первых рядах, кто-то вытирает слезу, потому что настоящее искусство прошибает даже самых упертых. Понимаю, что почти никто из них никогда не был и не будет в Большом театре (да и ни в каком вообще!) и это большая удача, что именно в тюрьму к ним приехала оперная звезда. Возможно, что именно какое-нибудь верхнее «до» от Яны остановит уже этот бесконечный марафон посадок. Ведь диалог «У вас какой срок? – Я уже в третий раз сижу, мне еще шесть лет в этом сроке» – здесь норма. Я же говорю – другая планета, требующая пристального изучения.

Яна поет – и кажется, возьми она еще чуть выше – оковы тяжкие падут, здание тюремного клуба рухнет. Но нет – стоит. Надя осторожно трогает клавиши тюремного фортепиано. «М-да...», Саня Гезалов виновато парирует: «Купили настолько хорошее, насколько могли. Сколько денег собрали...» Но Надя успокаивает – ничего сыграем и на этом, не переживайте. И играет. Это не Стейнвей и не Бехштейн, но Надя извлекает из инструмента такие звуки, что классики могут завидовать. На пушкинско-метнеровском «Вороне» я замер – музыка очень сложная, поймут ли? Но зеленые роботы не шевелились. Яна взяла их в плен своим голосом.

Так было в обеих женских колониях, и в той, что для рецидивисток, и в той, что для «первоходов». Музыка победила.

Все остальное было вполне привычно. Наши девчонки – мастера красоты помогали осужденным женщинам привести в порядок руки, ногти и волосы. Я рассказывал про «Мастера и Маргариту», потому что следующая неделя Страстная и события романа происходят как раз в это время, и еще потому, что хорошо бы задуматься, что хотел сказать Михаил Афанасьевич всем нам, когда прислал в весеннюю Москву дьявола накануне Христова Воскресения.

А между нашими десантами в колонии мы заехали еще и в сельский клуб в селе Ликино. Эту деревню когда-то назвали одной из самых красивых в России. Природа – фантастическая, старинный храм, люди отзывчивые – попробуй поверь, что за деревней женская тюрьма! Для сельчан провели небольшой концерт в клубе. Вот где благодарная публика! И тоже ведь попроси какую-нибудь звезду приехать в деревню спеть Рахманинова и попробовать борща, тут же выставят звездный счет глупостей и денег. А Яна с Надей – приехали просто так. Без счетов и с искренним желанием помогать обыкновенным людям в глубинке. «Звездность» в нашей Вселенной только этим и измеряется.

Есть там в Ликино еще необыкновенной красоты храм 18-го века, посвященный Рождеству Богородицы. Сказать по-честному, никому он не нужен, разрушается постепенно. Хотя храм действующий и считается памятником бла-бла-бла. Теперь мы с Саней думаем, как помочь храму, людей в деревне немного, денег на ремонт они не соберут никогда. Если вы знаете как, или хотите помочь – пишите. Вместе что-нибудь придумаем.

Помогайте помогать. Сверху на нас смотрят.

14 июня, 2025

Мы опять были в тюрьме. Пожалуй, я уже сто раз так начинал рассказ о наших волонтерских поездках в места лишения свободы. Сейчас будет много букв.

Для тех, кто не в теме сразу поясню: волонтерские бригады Наставнического центра Александра Гезалова раз-два в месяц приезжают в женские колонии Владимирской области.

Мы давно шефствуем над этими исправительными учреждениями и Домом ребенка в женской колонии во владимирском поселке Головино. Это огромная и серьезная работа. Пожалуй, в России больше нет общественного объединения, которое занималось бы этим в таком объеме. Конечно, волонтерскими поездками наша деятельность не ограничивается, мы помогаем и материальной помощью, и правовой, и психологической. Помогаем проводить воспитательные мероприятия, строить спортивные и рекреационные зоны, собираем книги в библиотеку, устраиваем развивающие классы и детские площадки, покупаем вещи первой необходимости осужденным женщинам, ремонтируем места общего пользования и много чего еще.

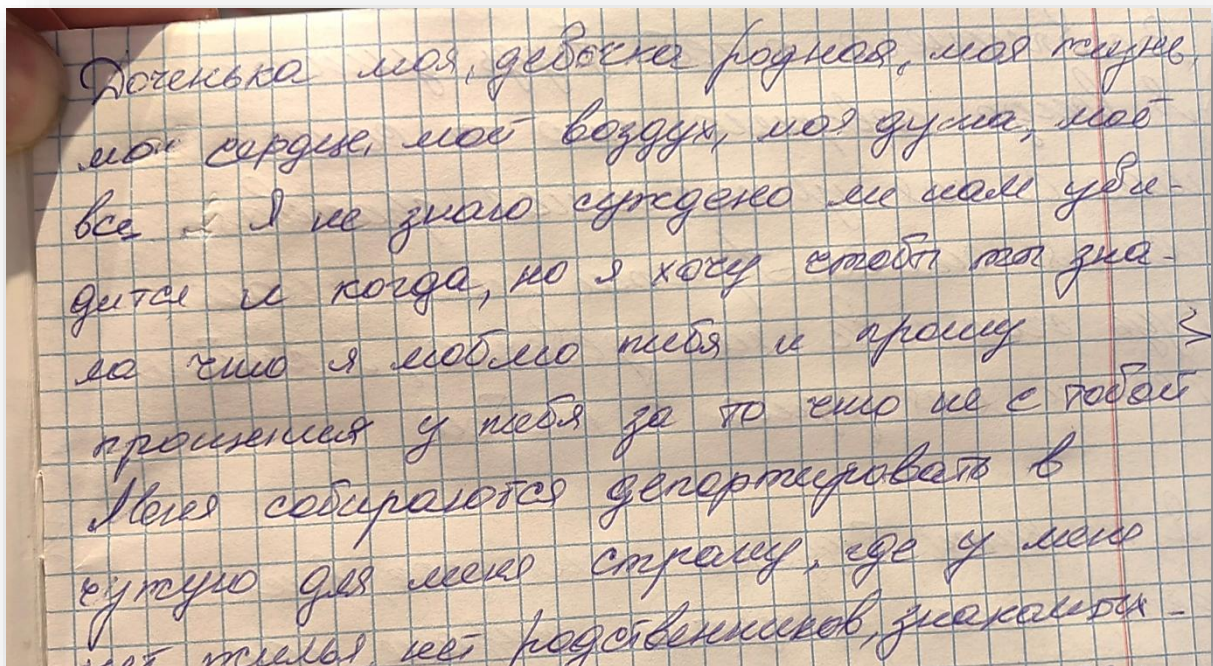
Главные герои наших поездок – это волонтеры. Специалисты по уходу, медики, массажисты и артисты – все эти люди делают большое дело: в свои выходные ездят с нами, тратят свое время для того, чтобы оказать помощь осужденным женщинам. Об этом мы много рассказывали, посмотрите предыдущие посты, если интересно.

Но вот только что мы вернулись из поездки малым составом: наш юный помощник во всех делах - Тихон Гезалов, музыкант Анна Ветлугина, ну и мы с Сашей Гезаловым, два бородатых мужика. Это было первое необычное путешествие нынешнего лета. Из-за логистических сложностей нам пришлось переночевать на подворье суздальского Свято-Покровского монастыря. Иногда мы тоже помогаем сестрам, нам это в радость и во славу Божию. Ночью ударила гроза, электричество отключили, но ранний завтрак при свечах на подворье – это даже романтично. За радушный прием и гостеприимство благодарим матушку Афанасию и настоятельницу монастыря игумению Екатерину.

Сначала мы хотели привезти в зону орган. Настоящий орган! Но, вы же понимаете, инструмент это хрупкий и дорогостоящий. Пока решили не рисковать. Но зато с нами поехала настоящая органистка, лауреат многих конкурсов и очень известная в стране исполнительница – Анна Ветлугина. Для нее это было в определенной степени испытание. Впервые - концерт в тюрьме, да еще без органа! Пришлось играть на электрическом пианино, но Анна очень хорошо справилась. Осужденные женщины слушали, открыв рот. В программе и Бах, и Шуберт, и Шопен, и Эннио Морриконе и английская народная песня «Зеленые рукава» в авторской обработке.

Новое в нашем сотрудничестве с исправительной колонией – мы начали проводить литературно-психологический практикум «Творческое письмо». Это сочетание терапевтических письменных практик и творчества. Очень необычная программа и тоже – впервые в России. Я разработал эту программу специально для женщин в местах лишения свободы и очень переживал, что женщины воспримут такой эксперимент с осторожностью, постесняются участвовать в этой работе. Но меня там уже знают, поэтому, когда я рассказал в чем суть нашего курса, очень многие захотели работать в программе. Было так: мы раздали рабочие тетради и прямо под музыку Анны Ветлугиной начались наши письменные практики. Получился дополнительный эмоциональный фон, некоторые писали и смахивали слезу, некоторые улыбались. Я знал, что в этот момент у каждой в душе происходит что-то важное. С самого начала я предупредил, что «адресаты этих текстов только вы сами, мы будем читать и обсуждать тексты, только если вы сами этого захотите, и эти рабочие тетради – ваши, забирайте их, будем в них писать на каждом занятии».

Как только окончился концерт, ко мне подошла улыбчивая девушка: «Прочитайте, пожалуйста, хочу, чтобы вы это прочитали». Но прочитать я не успел (там было что-то про маму), потому что в этот же момент подошла грустная женщина лет сорока, она рыдала в голос. Протянула мне рабочую тетрадь: «Андрей! Возьмите, пожалуйста, мне она больше не пригодится...» - и снова в слезы. Что такое? Я растерялся: почему? Что случилось? Я позвал Саню, начали разбираться. Оказалось, что история у женщины непростая. Через несколько дней ее депортируют на Украину. Здесь, в России, у нее остаются дети и муж. Женщину не могут оставить – у нее нет гражданства и прописки, по закону ей надлежит досиживать срок в своей стране. А это значит, что детей она не увидит очень долго, возможно, никогда. Ситуация ужасная. Но таков закон. Российское гражданство теперь для нее получить тоже проблематично – потому что есть судимость. Мы, конечно, попробуем помочь, сделать запрос уполномоченному по правам ребенка, нельзя же разлучать с

матерью. Но, если честно, шансов у нее мало. «Почти никаких, - говорят юристы, - таковы законодательные правила, никто же не заставлял ее нарушать закон». И таких историй очень много. Мы часто обсуждаем это в своем кругу, абсолютное большинство женщин попадают в места лишения свободы по наркотическим статьям. И это почти всегда – по глупости. И это всегда – большие сроки.

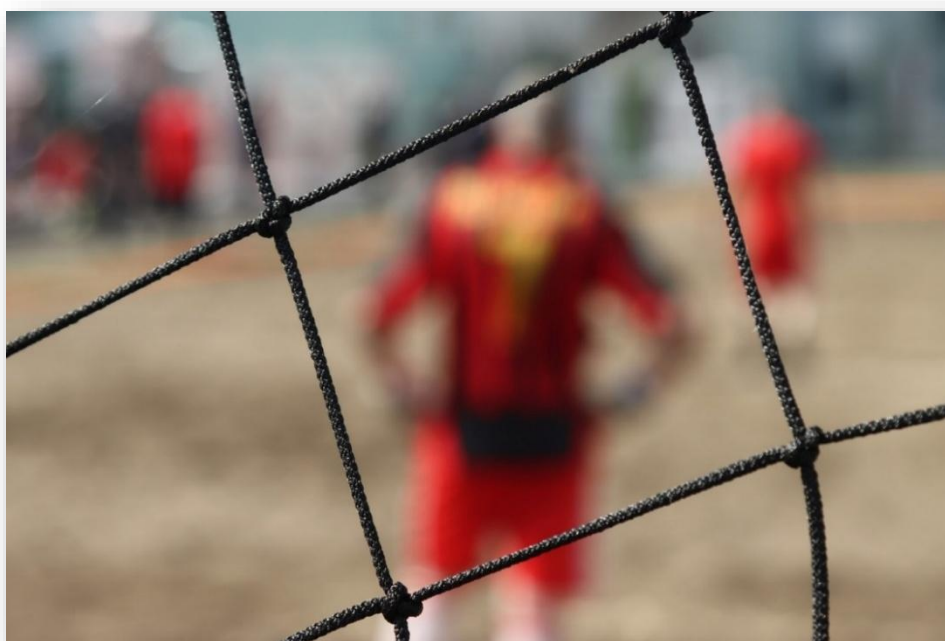
Иногда кажется, что то, чем мы занимаемся – это Сизифов труд. По этой теме мне больше нравится трактовка мифа от Камю – в бессмысленном существовании обрести смысл. Все-таки мы пытаемся строить настоящее гражданское общество, а значит, должны (просто должны!) помогать тем, кто в беде. Даже если в этой беде они сами виноваты на сто процентов. Во взаимопомощи и поддержке – и есть смысл общества. Нас всех как общества неравнодушных людей.

В общем, кажется, не зря мы затеяли эти письменные практики с осужденными женщинами. Может, когда-нибудь издадим сборник житейских историй, написанных от души, в зоне, под музыку Шуберта, чернилами, перемешанными со слезами. А может, просто поможем кому-то заглянуть в тайные уголки души, вспомнить о том, что может быть и другая жизнь. Решетки не навсегда. Конечно, если сам человек этого хочет. И если сам примет правильное решение больше никогда не возвращаться в зону.

Вот лишь небольшой **список добрых дел по проекту «Тюремное служение»** Наставнического центра А. Гезалова.

1. Открыта сенсорная комната в Доме ребёнка ИК-1 (п. Головино).
2. Открыт логопедический кабинет в Доме ребёнка ИК-1 (п. Головино).
3. Открыта соляная пещера в Доме ребёнка ИК-1 (п. Головино).
4. Установлена детская площадка в Доме ребёнка ИК-1 (п. Головино).
5. Установлен искусственный газон в ИК-1 (п. Головино).
6. Раскрашен забор в мультяшные тона в Доме ребёнка ИК-1 (п. Головино).
7. В женскую колонию ИК-1 (п. Головино) передана газонокосилка.
8. В женскую колонию ИК-10 (п. Ликино) передана снегоуборочная машина.
9. В женские колонии ИК-10 и ИК-1 переданы два электрических пианино и один аккордеон.
10. В две женские колонии переданы 15 терпомпотов.
11. Совместно с фондом «Образ жизни», установлены окна в комнатах совместного проживания Дома ребёнка ИК-1 (п. Головино).
12. Ведётся работа по созданию спортивной площадки в женской колонии ИК-10 (п. Ликино).
13. По заявлениям осужденных, на регулярной основе передаётся гуманитарная помощь (средства личной гигиены, одежда).
14. Помощь в ремонте домового храма во имя св. блгв. царевича Димитрия Угличского в ИК-10 (п. Ликино).
15. Наставнический центр постоянно поддерживает спортивные мероприятия в исправительных учреждениях Владимирской области, региональный этап «КВН» между учреждениями, конкурс самодеятельного творчества «Битва хоров» и другие мероприятия.

**Благодарим
за сотрудничество и постоянную поддержку инициатив
АНО «Наставнический центр А. Гезалова»:**

- УФСИН РФ по Владимирской области и лично полковника внутренней службы Чудина Алексея Владимировича;
 - Общественный совет при УФСИН РФ по Владимирской области;
 - Благотворительный фонд содействия развитию социально-культурных инициатив и попечительства «Образ жизни»;
 - Благотворительный фонд «Искусство добра»;
 - Благотворительный фонд «Протяни Руку».
-

Официальный сайт:
<https://nastavnik-gezalov.ru/>

Как нам помочь?

Страница в VK

Аккаунт в Telegram

Издание подготовлено
АНО «Наставнический центр А. Гезалова» ©
Идея – Александр Гезалов.
Редактор-составитель – Андрей Сорокин ©
Фото – Андрей Сорокин ©

*Цитирование, воспроизведение фрагментов текста,
иллюстраций или фотографий, опубликованных в данном
издании, в любом виде и на любом носителе возможно только с
письменного разрешения правообладателей. При любом
воспроизведении материалов обязательна ссылка на источник.*

Помогайте нам помогать!

**Москва
2025**